

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 3 (84) 2012
май — июнь

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

**Тема номера:
ВСЕГДА ЛИ КРЕСТ
ПО СИЛАМ?**

- Святой из нашего храма
- Виктор Астафьев: «Завещаю вам...»
- Два века полю русской славы

Фото Юрия Роста

Кто хочет за Мной идти...

Наш собеседник – постоянный автор «Лампады», протоиерей Алексий Уминский, настоятель храма Живоначальной Троицы в Хохлах, духовник и преподаватель Свято-Владимирской православной гимназии. Сегодня главный редактор журнала Павел Демидов говорит с ним о главной теме номера.

ворим совершенно невозможное: как можно обвинять Бога в том, что мы, допустим, болеем? Когда мы поем в церкви «се бо прииде Крестом радость всему миру», между нашими представлениями о присутствии Бога в нашей жизни как посланца скорбей, горя, болезней и подлинным его бытием, провозглашаемым Церковью, бытием радости – непроходимая пропасть. Одно исключает другое.

– **В самом деле, какая может быть радость при болезнях и горе?**

– Вот именно: какая? Что тут радостного? А вот когда Христос призывает идти за Собой, в этом есть огромная радость. Когда Христос зовет человека за Собой и человек слышит этот зов Бога, когда ты *очень хочешь* это слышать, внимаешь Его воле, тогда сердце начинает наполняться радостью и растет желание следовать призыву Христа. Вот тогда-то человек и берет этот крест, и не возникает даже никакого вопроса: по силам, не по силам этот самый крест. Потому что становится безусловно очевидным: нельзя идти за Христом, будучи рабом этого мира. Нельзя последовать за Христом, если ты весь находишься в пристрастиях к удовольствиям этого мира, к комфорту, благополучию, к самости своей, к тому, как на тебя смотрят люди, к тому, как ты выглядишь в глазах других. Помните, как Христос сказал юноше? «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Это был призыв на крест. Христос говорит прямо: следуй за Мной.

– **То есть крест – это следование за Христом.**

– Совершенно верно. Крест – это следование за Христом. Кто хочет за Ним идти, никак иначе это сделать не сможет.

– **А если перевести эту максиму в практическую плоскость? То есть, как это должно быть по жизни?**

– Взятие креста на себя предполагает *отвержение*. Отвержение от того ложного в жизни, в мыслях, от той личности, которую мы все на себя принимаем, подстраиваясь под законы этого мира, стремясь быть угодными ему, стремясь встроиться в систему этого падшего мира, да мы еще этим встраиванием и гордимся.

– **Всем тем, что есть мерзость перед Богом.**

– Именно так. Все перечисленное становится для нас высоким. И от всего того, что представляется нам важным, ценным и необходимым, повторяюсь – высоким для людей, нам предстоит отвергнуться. Когда ты – по слову апостола Павла – совлекаешь с себя ветхого человека, ты словно снимаешь с себя кожу. А легко ли это сделать? Легко ли себя обнажить? Легко ли стать таким беззащитным, открытым, как Христос? Бесконечно тяжело. Это и есть хождение за Христом, и есть наш крест. К этому призывает нас Крест, когда выносятся в середине Великого поста, когда поклоняемся Кресту в праздник Воздвижения.

– **И все же: болезни, страдания, скорби – они неотрывны от крестоношения?**

– Они, конечно, тоже могут научить нас следовать за Христом. Потому что делают нас... нищими.

– **Блаженны нищие духом?**

– В общем, да. Потому что эти строения делают нас беспомощными без Бога. Они воздействуют на нас извне. Тут может не быть нашей личной решимости. И вообще сама по себе такая ситуация – воздействие на нас через испытания – может и не выступать основополагающей. Ведь человек призывается следовать за Христом не усилием собственной воли, при кото-

– **Всегда ли крест по силам?**

– Это чаще немой вопрос. Люди задают его, скорее, себе, чем окружающим. Ну и, разумеется, Богу. Так сложилось, что сегодня какой-то особый акцент сделан на том, что наше крестоношение, несение креста – это скорби, болезни, это несчастья, которые преподносит нам жизнь. И люди начинают вопрошать себя и Господа: за что? Получается, что крест – это всегда что-то ужасное, некий приговор, это, если хотите, казнь. И человек невольно начинает думать: почему мне *такой* крест?

– **Разве вопрос неправилен?**

– Если исходить из высказанной презумпции: крест – это только скорби, – то да. А мне кажется, мы могли бы по-другому поставить акцент. Вспомним, как апостол Марк воспроизводит в Евангелии слова Иисуса Христа: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (8:34). Кто хочет за Мной идти... Вдумаемся. Это, по сути, о том, кто и как выбирает свой жизненный путь. Как мы слышим волю Божию. Каким образом мы вообще хотим слышать Бога. Это – призыв. Мы привыкли относиться к кресту как к каким-то скверным неожиданностям. О неприятностях, которые с нами приключаются, мы начинаем говорить: «Бог мне послал». Болезнь ли какую, испытание, трудность... Бог, мол, наказал... Но мы го-

ром он в страданиях призывает Христа и может не найти Его. Больше того, человек может начать предъявлять Ему претензии, начать бороться против Него, проявлять свою гордыню, самость. И что самое главное – человек в таком случае не встречается с крестом. То есть он может страдать, но при этом не нести никакого креста.

– **Напрашивается вывод: несение креста, или следование за Христом, – дело добровольное.**

– Это – проявление нашей свободной воли. Накануне поста, в Прощеное воскресенье, мы слушали евангельские слова: «...где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12:34). Наше земное, обытовленное миропонимание может предложить весьма обширный набор возможностей для «размещения» своего сердца. Вплоть до личных банковских ячеек. Но что же в действительности понимать под сокровищем? Алексей Степанович Хомяков отвечает просто: самое ценное для нас в нашей христианской вере, говорит он, это Сам Господь наш Иисус Христос. И когда вдруг это становится очевидным и непререкаемым, когда человек действительно понимает, что его главное сокровище Сам наш Господь Иисус Христос, только тогда он за Ним идет и тогда он способен отвергнуться себя. Иначе – никак. И вопрос, посилен крест – непосилен крест, теряет актуальность.

– **Значит, человек, который не идет за Христом, он, получается, без креста?**

– Конечно. Он не имеет креста. Он может об этом даже не подозревать, ибо весь в своих страстях. Он может страдать, болеть, у него может быть масса несчастий, как в жизни каждого из нас, ибо нет человека, у которого этого не было бы, даже у самого благополучного, он может страдать от того, что мир лежит во зле, но человек страдающий – это еще не христианин. Люди в страданиях по-разному себя ведут: одних страдания могут возвысить, других – унижить, и мы знаем массу тому примеров. Могут быть катастрофы, потеря личности, самоубийства... все что хотите. Страдания – это зло, и Бог не желает страданий человеку. Он не радуется нашему страданию. Он хорошо знает, что

это такое, потому что Сам пострадал. И потому к страдающему человеку Бог очень близок. Поэтому в страдании человек может найти возможность услышать то, чего он никогда не слышал.

– **А может и не найти?**

– Это будет зависеть от... направления его сердца. Так что страдающий человек – это совсем необязательно человек, несущий крест. Если страдания ведут к Христу – вот это да. Человек, идущий за Христом, обязательно будет страдать. Ты волею своей принимаешь этот путь. И поскольку Христос приемлет вольные страдания, страдания человека, идущего за Христом, так же вольны и сознательны. Обиды, оскорбления, поругание, осмеяние, потеря благополучия, одиночество... – все принимается его доброй волей. И вспомним, в связи с этим, чем заканчивается первая заповедь блаженства – о нищих духом: «...ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3).

– **Как дорожный указатель: путь в рай. Я обратил внимание на одну удивительную вещь. Глава, где говорится о кресте, стоит в самом центре Евангелия.**

– В самом деле, удивительно. Она – восьмая, а всего шестнадцать глав. И так, как написано о кресте у Марка, не написано ни у одного евангелиста. Компактно. Просто. Скупое. Но пронзительно до невозможности. Как выстрел. Всего несколько слов, но как они выстроены! Как меч обоюдоострый, они рассекают человеческое сердце.

– **А теперь, если позволите, о вашей только что вышедшей книге – беседы о Евангелии от Марка. Почему из четырех книг вы выбрали именно эту?**

– Выбирал не я. Мне предложило издательство «Никея», которое ее и выпустило. Была серьезная беседа о том, как Церковь должна сегодня разговаривать с верующими. Ведь не секрет, что в диалоге с современным человеком много проблем. Было очевидно: книга Евангелия из почитаемой должна стать читаемой. Для этого необходимо найти возможность не просто адаптировать евангельский текст, но осмыслить его так, чтобы его восприятие не диссонировало с сегодняшней ментальностью. Так возникла идея этого проекта. Наи-

более подходящим для его реализации нам представилось Евангелие от Марка, которое я к тому же изучаю с моими учениками в гимназии. Оно самое короткое, что тоже немаловажно.

– **Насколько я знаю, именно эта книга Нового Завета более всего привлекала внимание толкователей и богословов.**

– Их довольно много. Фрицше, Альфорд, Кейль, епископ Михаил... Наиболее известны толкования Феофилакта Болгарского, священномученика Василия Кинешемского. Я уж не говорю о митрополите Антонии Сурожском, который, как он утверждает, впервые услышал Христа именно благодаря Евангелию от Марка.

– **Задача перед вами стояла не из простых.**

– Это бесконечно тяжелая задача. И очень ответственная. Взяться за перо на фоне таких столпов богословской мысли – сами понимаете... Но, так или иначе, священнику предписано проповедовать Евангелие, изъяснять его. Это форма священнического служения. Задача была естественна и понятна, хотя от того не становилась проще.

– **Встречались в процессе работы какие-то сложности, разумеется, не технического свойства?**

– Евангелие всегда переживает-ся немного иначе, чем любой другой текст. В нем невозможно какое-то определенное понимание прочитанного: вот ты понял это таким образом, и это понимание останется с тобой навсегда. С Евангелием такого не случается. Мы читаем Евангелие всю нашу жизнь. Вчитываемся в него. Пытаемся открыть для него свое сердце, чтобы эти образы ожили в нас и нас самих оживили.

– **Я даже на своем скудном опыте знаю, каково это – читать Евангелие. Делаю это уже много лет, практически ежедневно: Матфей, Марк, Лука, Иоанн. Снова к началу – Матфей, Марк... И, действительно, не было случая, чтобы я всякий раз не открыл для себя что-то новое.**

– Чтение Евангелия – это очень, я бы сказал, интимное действие. Пытаясь осмыслить прочитанное, ты знаешь, что это не предназначается ни для кого другого, но только для тебя. И когда

тебе предстоит сделать этот процесс публичным, ты понимаешь всю сложность задачи. И подчеркну: в Евангелии, уже многожды читанном, ты постоянно открываешь что-то новое – а здесь твои мысли оказываются отличными в законченную форму, в книгу, и уже ничего ни изменить, ни добавить. Не просто.

– **Например, что конкретно оказалось для вас этим самым «не просто»?**

– Трудно вот так, с ходу, сказать... Дайте подумать... Один из сложных вопросов, об этом говорится в десятой главе, разговор о разводном письме и о том, как люди соединяются в браке. С одной стороны, «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (10:9). Слова Христа здесь настолько категоричны, настолько определены, что не дают возможности никакого иного толкования, не дают права на ошибку. Наше человеческое сознание не может вместить, что же это такое – «и будут два одною плотью» (10:8). И Апостол говорит: тогда лучше не жениться. Зная сегодняшний современный мир, то количество рухнувших браков, в том числе христианских, ты, с другой стороны, опытно, открываешь, что первый, разрушенный по человеческой немощи, брак вовсе не оказывается препятствием для второго – крепкого, настоящего и счастливого. Это очень серьезный вопрос. Когда я читаю десятую главу, я не могу остановиться на однозначно жестком толковании этого текста. Хотя, и я уже об этом говорил, Бог высказывается вполне определенно. Вчитываясь, ты начинаешь понимать, насколько вырос уровень Божественного установления, каким нас в действительности хочет видеть Бог, и видишь уровень нашего земного существования – как мы все время ищем это бракоразводное письмо, ищем возможность оправдать наше жестокосердие. И когда мы невольно задаемся вопросом: а возможно ли, по силам ли такое? – Господь отвечает: «Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу» (10:27). Отвечает в Евангелии, которое написано не для чтения – написано для жизни. От высоты слова Божия, обращенного к человеку, захватывает дух и кружится голова, и только одно нам дается в уте-

шение: «все возможно Богу». Иными словами, это ответ на вечный вопрос: кто может спастись? Тот, кто идет за Ним. Когда ты действительно идешь своим крестным путем, а не сидишь и не рассуждаешь на темы о спасении.

– **Язык ваших бесед я бы назвал каноническим по сути, отвечающим каноническому переводу Евангелия, но современным по содержанию. Я прав?**

– В определенной степени. Я хотел приблизить текст к нашему современнику. Какие-то вещи пересказаны у меня просто другими словами. Ведь сам евангельский текст был написан бытовым греческим языком, можно сказать, языком толпы. Это не высокий литературный стиль, это язык народа. Синодальный перевод, конечно, выхолощен, это язык XIX века, на нем лежат лексические штампы с налетом даже какой-то канцелярщины, и потому, когда говоришь о Евангелии, есть смысл находить более живые слова.

– **То же самое, наверное, можно сказать и о богослужебных текстах, и вообще о письменном духовном наследии прошлого. Мне кажется, что необходимость просто стучится.**

– Более того, даже церковнославянский евангельский текст, тот, который мы называем синодальным, требует для его прочтения обязательной адаптации. Есть выражения, которые просто нетерпимы сейчас для слуха. Например, читаем о Закхее: и возлез на ягодичну. Ладно, эти два слова подчеркнет компьютерный редактор – как постигнет их смысл современный молодой человек, какие у него возникнут ассоциации? Разве нельзя сказать слово «смоковница»?

– **Здесь есть какая-то перспектива?**

– Это гигантская работа. Я к ней не имею отношения и поэтому, к сожалению, ответственно сказать ничего не могу. Знаю, что проблема обсуждается. Она упирается не только в желание что-то изменить, но и в нежелание что-либо менять. Определенная часть нашей Церкви по-прежнему рассматривает изменение запятой как посягательство на догматические основы православия. Если это грозит нам каким-то расколом, лучше тогда

и в самом деле к запятой не прикасаться. Всякие подобного рода изменения возможны при очень серьезном единомыслии и любви друг ко другу. Если в Церкви есть оскудение любви и единомыслия, никакие, даже самые лучшие перемены не увенчаются успехом. А в какой-то другой период это происходит незаметно и естественно. И никто даже внимания не обратит.

– **Наверное, нужны определенная инициатива и смелость со стороны конкретных людей.**

– Совершенно верно, на себя надо взять ответственность.

– **Ведь лежала же на вас определенная ответственность, когда вы взяли эту работу, за Евангелие от Марка. В данном случае – ответственность за слово.**

– С одной стороны – конечно. Но эта ответственность в основном состояла в том, чтобы опираться на опыт Церкви, опыт переживания Евангелия в нашем Священном Предании, в том понимании Евангелия, которое сохранила наша Церковь в святоотеческом предании, в житиях наших святых, в жизни наших новомучеников Российских. И я очень старался, чтобы мои личные переживания не выходили за рамки, за которыми начинается навязывание собственного мнения. Это очень опасно. Особенно когда дело касается Евангелия. Один великий русский писатель на этом споткнулся очень сильно.

– **Можно ли сказать, что эта ваша работа в какой-то степени ваш крест?**

– Не в какой-то, а в очень большой. Ведь я шел за Христом.

СКРЕПЫ

Бог, без всякого сомнения, распоряжается нашими делами лучше, нежели как предназначали бы мы сами.

*Святитель
Василий Великий*

Возложив руку на плуг, не озирайся назад

В Евангелии от Матфея (10:38) Христос говорит: «...кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». А в Евангелии от Луки (9:62) тема креста получает развитие: «...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия». Иными словами, если ты с Христом, то непременно с крестом. А если с крестом, то это на всю твою земную жизнь. С этими мыслями я и пришел к Евгению Стеблову.

Павел Демидов

– Я просил о встрече, чтобы поговорить о теме нашего номера. О кресте, который то ли дается человеку Господом, то ли человек принимает его на себя сам. Насколько крест этот по силам? Это – судьба, наказание или испытание? Что вы обо всем этом думаете?

– Мне кажется, что наш земной язык не может передать во всей полноте смысл этого понятия. Ведь речь идет о Промысле Божиим. Без него вообще ничего не происходит. Даже свобода выбора, хотя, как известно, ни один волос не упадет с головы человека без воли Божией. Я много об этом думал в свое время – как это совместить – и пришел к выводу, что одно другому не противоречит. Вообще, интересно получается. Мы приходим на Землю для того, чтобы стяжать, по Серафиму Саровскому, дух *мирен*, и должны для этого сделать определенный выбор, то есть принять свой крест, а Господь уже все заранее знает. И, конечно же, крест приходится по силам, потому что у Бога нет цели загубить человека под тяжестью креста. Бог приводит человека на землю для его преображения.

– Но хорошо, если человек это понимает и принимает. Куда чаще мы ропщем, не смиряемся, бунтуем...

– Такова наша, увы, испорченная природа. Наша гордыня, самость.

– Сегодняшний божок потребления и комфорта очень умело использует эту нашу слабость.

– Еще как умело! Оттого и крест нам кажется непомерно тяжелым. Все зависит от силы веры. Маловеру очень трудно в современном мире.

– Не ограничивает ли Промысл Божий свободу воли человека? Если крест дается Господом, человеку только и остается, что нести его.

– Лично я этого не чувствую. Моей воли Господь не ущемляет. Я, как, наверное, и все мы, каждый раз должен конкретно решать, как мне поступить с этим самым крестом. Это сродни выбору между добром и злом. Проблема, в принципе, отвлеченная, философская, но в то же время вполне конкретная, потому что решение ее предполагает какие-то конкретные действия, реальные шаги. Хотя, повторюсь, о том, что есть добро и что – зло, можно говорить отвлеченно и бесконечно.

– Но, реально шагая, можно и оступиться.

– Еще как! Нам постоянно что-то попускается, но мы не можем достоверно знать, не замешан ли тут лукавый.

– И как в таком случае быть?

– Для меня компас – это моя совесть.

– И, разумеется, определенные божественные установления.

– Само собой. А совесть – это и есть отзвук божественных установлений. И когда совесть говорит мне, что крест хоть и тяжок, но справедлив, в моей душе... как бы выразиться точнее... приходит ощущение благодати. А начиналось с выбора, с проявления воли.

– Воли Божией или своей?

– И Божией, и своей. Своя воля необходима, чтобы следовать воле Божией.

– А если это не Божия воля, а чья-то другая?

– О, мы опять возвращаемся к этому тонкому вопросу. Отвергнет ваша душа

искушения или примет их за Промысл Божий? Каждый верующий решает это сам. Правда, Господь все равно дает шанс любому человеку, даже совершенно запутавшемуся, просто он как бы оставляет его на второй год.

– Можно сказать, что ощущение степени тяжести креста, который ты несешь, это, по сути, твое восприятие жизни?

– Конечно. Безусловно.

– И тогда в связи с этим: до того, как вы пришли к вере, ваше восприятие жизни отличалось от того, каким оно стало, когда вы уверовали?

– Да.

– А если конкретно?

– Прежде я был довольно рефлексивным человеком, подвержен унынию, иным настроениям. Теперь я понимаю, как ласков был ко мне Господь. Он с детства дал мне утешение. Я увлекался кукольным театром и через это искусство доставлял радость другим и радовался сам. В этом было мое счастье, хотя я этого не сознавал. Вера научила меня видеть счастье, ценить его и радоваться ему. Однако и сейчас, когда я стал известным человеком и все вроде бы в порядке, искушения посещают меня...

– От них никто не застрахован.

– Увы, да. Так вот, когда это случается, когда посещают дурные мысли, я вооружаюсь Иисусовой молитвой, и все становится на свои места. Рассказать, как я пришел к этому?

Артист театра и кино, народный артист России. Служит в театре им. Моссовета. Первый заместитель председателя Российского союза театральных деятелей. Награды: Государственная премия России, ордена Почета и «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Чеховская медаль. Снялся более чем в 60 кинофильмах. Первая же работа – «Я шагаю по Москве» (1963) – принесла всеобщие признание и любовь, которые не убывают по сей день.

– **Сделайте милость!**

– Лет тридцать назад я жил неподалеку от Ботанического сада МГУ. Там постоянно тусовались кришнаиты. Они настойчиво убеждали меня купить у них «Бхагавад-гиту», но у меня не было тогда ни желания, ни денег. И вот я в Минске. Закончены съемки, я получаю гонорар, возвращаюсь в гостиницу, а мне навстречу теперь уже белорусские кришнаиты и с тем же предложением – купи «Гиту». Надо сказать, я всегда внимательно относился к так называемым случайностям и тут понял, что книгу надо купить. К тому же она, как оказалось, стоила ровно столько, сколько составлял мой гонорар, – 500 рублей. Телевизор в номере, словно специально, не работал – я принялся за чтение. К вере своей оно меня, конечно, не привело, но я вынес нечто весьма важное. Чтение мантр – важное условие молитвенного состояния. Вернулся в Москву – чуть ли не на вокзале меня встречают сектанты и дают Евангелие от Иоанна. И я понимаю, что Господь мне подсказывает: ты должен пройти между индуистскими мантрами и сектантскими зазывами, как между Сциллой и Харибдой, а твой парус – это Иисусова молитва.

– **Похожим путем приходили к Православию многие.**

– Я тоже не сразу сделал окончательный выбор. Мы с женой крестились в 33 года: советское время, середина 70-х – сами понимаете... Кришнаиты и христиане-сектанты были в ту пору очень популярны в нашей стране. А я принял Православие. Почему? Возможно, потому, что вырос под звон колоколов храма у Рижского вокзала. Потому, что с детства привык заходить в церковь. Просто так. А оказалось, что совсем и не просто так. Чем дальше я шел по пути веры, тем отчетливее видел, что Господь все время дает именно то, что нам нужно, какие-то сигналы, через символы, через случайные встречи...

– **У вас в этом богатый опыт?**

– Достаточный. Включишь, допустим, радио, и вдруг какая-то фраза своим вторым смыслом проясняет тебе именно ту ситуацию, которая в данный момент заботит тебя. Стоит лишь внимать окружающему, и ты слышишь, как Бог говорит с тобой. Правда, и тут нас могут подстеречь искушения.

– **Какие?**

– Почувствовать себя излишне прозорливым. Видеть знаки Божественного внимания к себе там, где их нет и быть не может. А это уже прямой путь к прелести.

Церковь, как бережная мать, нас от этого ограждает, предупреждают старцы...

– **Не хули, но и не принимай.**

– Совершенно верно!

– **Как вы думаете, Евгений Юрьевич, всегда ли крест только тяжкий?**

– Право, не знаю... Мы прожили с Танюшей 38 лет, но два года назад я овдовел. У нее было тяжело больное сердце. Единственный выход – операция на открытом сердце. Представьте страну начала 90-х, состояние нашей медицины вообще и кардиохирургии в частности. Но консультант из Научного центра хирургии Леонид Поликарпович Черепенин, Царство ему Небесное, оказался именно тем специалистом, который был необходим Танюше. Он не только поставил верный диагноз, но и сам взялся оперировать. Правда, сначала нас это мало утешило. Я ревел, и она редела. Я – от страха за нее, она – оттого, что будет некрасиво выглядеть после операции... Потом, конечно, пришло другое состояние, и уже боялись, как бы профессор не отказался. И вот настал день операции... Я с утра в Новодевичьем монастыре, это рядом с кардиоцентром. Молюсь. По времени я знаю, что сейчас он приступит непосредственно к сердцу. У него есть всего полчаса, за которые он должен успеть сделать все. Только полчаса. А потом, я знаю, он возьмет ее охлажденное сердце в свою ладонь и станет согревать теплом руки. Они говорят: заводить. Если не получится, придется оживлять сердце электрическим током. Я не знаю, получится или нет... Сердце на ладони... Потом, когда все уже состоялось, Таня рассказывала мне, что произошло с ней за несколько дней до операции. Она вдруг почувствовала, как на нее словно что-то опустилось. И ей сделалось легко и спокойно. И она поняла: это был Покров Божией Матери, и теперь ей ничего не страшно.

– **Потрясающе! Она так прямо и почувствовала, что оказалась под Покровом?!**

– Так прямо и почувствовала. Но я-то ничего этого тогда не знал! Я молился в монастырском храме и чуть не каждую минуту смотрел на часы, потому что я знал, примерно когда что должно произойти. Вот ее поднимают в операционную... Перекладывают на стол... Хирург (не Черепенин – он приступит к основному этапу) начинает вскрывать грудную клетку... И когда, по моим расчетам, Леонид Поликарпович должен прикоснуться к охлажденному Таниному серд-

цу, я поднимаю глаза и вижу: пасмурное небо расступилось и показалось солнце! Это продолжалось минут двадцать. Когда я рассказал об этом Леониду Поликарповичу, он подтвердил, что работал на сердце Тани как раз в это время.

– **Мне вспомнилась евангельская притча о том, как Христос на расстоянии исцелил слугу сотника. Как выяснилось, это произошло в то время, когда Он сказал просителю: ты только веруй, и исцелится слуга твой.**

– Да, главное – верить. Это приносит такую удовлетворенность, какую ничто не может дать, никакой творческий успех. Ибо веришь – значит, полагаешься на волю Божию, а ты знаешь, что Господь желает тебе только добра. Когда я приходил к Танюше, приносил ей какую-то там еду, сидел возле нее, я был счастлив. Счастлив, и все. Я был при деле. И я знал, верил: все будет хорошо.

– **По-моему, все люди принадлежат к одной из двух категорий: одни верят, потому что знают; другие знают, потому что верят.**

– В таком случае я отношусь ко второй. Мы с женой прошли через такие испытания, но они нам дали еще целых семнадцать счастливых лет! Вот и решайте, всегда ли крест только тяжкий.

– **Без креста, наверное, вообще не бывает встречи с Богом.**

– Уверен, что да. В середине 70-х на съемках в Чехословакии я попал в тяжелую автомобильную аварию. Спас мою правую руку личный хирург президента Свободы. Только благодаря ему я не стал инвалидом. Но предстояла серьезная реабилитация, и кто-то мне посоветовал заняться йогой. Я уже пришел к православию, и философия йоги была мне чужда. И я совместил физическую составляющую йоги с христианской молитвой, в более широком смысле – с христианским сознанием. И вот однажды, когда я собирался приступить к упражнениям, меня буквально пронзила мысль о всеединстве мира. И я почувствовал, что могу управлять своей психической энергией. После этого мне стало легче работать на сцене. Правда, кончилось все это однажды таким глубоким погружением в себя, что я не пришел на спектакль.

– **Как говорят, ушел в астрал и забыл вернуться.**

– Вроде того. Но мир для меня преобразился. Я увидел его другими глазами. И дом свой, и вообще все и всех вокруг. Например, если я раньше видел в людях

ожесточенность, злость, в том же автобусе, теперь мне открылся как бы их задний план – я видел, как они несчастны, неустроены. И проникался к ним сочувствием. Это пришло, когда я стал вживаться в молитву. Скажем, занимался на даче йогой, а в конце читал «Отче наш» и руки к небу поднимал.

– **А йога тут при чем?**

– Это было физическое действие, которое помогало мне сосредоточиться, внутренне собраться. Только и всего.

– **Ну а если не в автобусе, а у себя на работе? Вы так же видите и своих коллег, так же их понимаете?**

– Во всяком случае, так мне кажется. Говорят, у талантливого человека, как правило, трудный характер. Но наедине с подушкой он к себе гораздо критичнее, чем человек заурядный. Если у него что-то не получается, он винит в этом себя, в отличие от посредственности, у которой виноваты все вокруг, как у плохого танцора.

– **Я думал, что чувство вины – свойство просто интеллигентного человека.**

– Безусловно! Потому что интеллигентность – это тоже талант.

– **Ваше наблюдение основано на личном опыте?**

– На личном опыте наблюдения за личным опытом окружающих. Конфликты в искусстве – это, главным образом, конфликты уровней дарования, причем агрессия всегда проявляет менее одаренный.

– **То есть это та же формула, что сильный должен быть добрым.**

– Да, да! А тех, других, нужно пожалеть. Их не нужно винить, их следует обогреть душой, иначе они озлобятся или ожесточаются. Одаренному партнеру, с которым у тебя контакт, никогда не покажется, что ему кто-то мешает. Чем ему труднее, тем интереснее. Ты сделал на сцене какой-то необычный ход, а он от этого только зажигается.

– **Ну, то, что талант – это крест, – настолько общее место, что и обсуждать не стоит. А жить среди людей так, чтобы не огорчать их, не обижать, не обманывать, чтобы доставлять им радость, – тоже крест?**

– Еще какой! Да вся жизнь, все, что нас окружает, – наш крест. Потому Господь так добр ко всем нам, и к грешникам, и к праведникам. Он ведь всесильный? Стало быть, вседобрый.

– **А как, по-вашему, Господь относится к людям, не верующим в Него?**

– А по-вашему?

– **Сейчас скажу. Этой мыслью, мне кажется, я могу с вами поделиться. Интересно, совпадут ли наши ощущения. До определенного времени я тоже, как и вы, был вне веры. Сейчас, когда я обращаю память к своему детству, я нет-нет да и обнаруживаю некие знаки, которые говорят мне, что Бог не был мне чужим.**

– И я тоже нахожу такие знаки! Оказывается, я всегда был в поле зрения Бога, просто этого не осознавал. Например, моя бабушка. Окончила гимназию при Страстном монастыре и была при этом абсолютной атеисткой и весьма легкомысленной особой. А в храме рядом с нашим домом была регентом хора ее соученица. Помню, когда мы с бабушкой встречали ее на улице, она всякий раз спрашивала: «Марусенька, ну что же мальчик так и не крещеный?». Марусенька в ответ только отмахивалась. Но ведь мы почему-то все время встречались с этой полной дамой, почему-то она всегда спрашивала, не крещен ли я. Теперь я понимаю, что это Господь призывал нас, увещевал, протягивал руку. Может, нужно было именно такое, постепенное продвижение к вере, а не скачок. Только Господь знает, кому что лучше всего. Приход к вере – это испытание для всего, в том числе для психики.

– **Не все его выдерживают.**

– Не все. Иные впадают в прелесть. Вчера еще ты был никем, а сегодня – вон какой продвинутый православный. Мне запомнилось одно умное высказывание: многие люди, придя к вере, вроде бы очень меняются в странную, в кавычках, сторону. Это не так. Они приходят к вере именно в силу того, что в них эта неадекватность была заложена изначально, она просто не проявлялась. А вера помогает им обрести условия, наилучшим образом подходящие устройству их души, врачует их.

– **Очень интересная мысль. Иными словами, эти люди ближе к Богу? Не случайно, наверное, на Руси родилось юродство.**

– В мире вообще ничего нет случайного.

– **Как вам кажется: в общем и целом люди идут к вере?**

– Мне кажется – да. Посмотрите, сколько в храмах молодых семей. А сколько солидного народа. Так называемая номенклатура... Их подсвечниками называют, но я такое отношение не разделяю.

– **Я – тоже. Сегодня он подсвечник, а завтра – горящая свеча.**

– Но я замечаю и другое. Обострилось и неприятие Церкви. Стало более ожесточенным. Не так давно мне довелось вручать премии Союза театральных деятелей. После торжественной части был чудный капуста. В нем участвовал молодой, но уже достаточно известный режиссер. Слышали бы вы его! Шутки в адрес Церкви, причем достаточно тенденциозные... Откуда такое?

– **Значит, как сказал бы Ленин, «верной дорогой идете, товарищи». Темным силам ни к чему, чтобы люди укреплялись в вере. Вот они и действуют через атеистов, сектантов, сатанистов...**

– Представьте, я тоже прошел через искушение. Когда мой сын решил уйти в монастырь...

– **Сергей?!**

– Сергей. Он – послушник в одной из северных обителей. Кинорежиссер, артист, драматург, я ставил его пьесу в театре... И вдруг все бросает, сначала идет в трудники, а потом и на послушание. Мне же это и как родителю, и как несостоявшемуся деду надо принять. У моей второй жены есть внуки, но это ее внуки. А у меня теперь своих, кровных, никогда не будет. Скажу честно, я не легко принял волю Божию. Взаимоотношения человека и веры – это великая тайна. И крестился-то сын лишь в десятом классе, за компанию с товарищем. А потом вдруг пошел, пошел... После театрального института собрался в семинарию, мы его тогда отговорили, нет, мы не отворачивали от этого поприща, убеждали поступить в Свято-Тихоновский... А тут подвернулось телевидение... Женился, венчался, развелся... После этого путь в белое священство, как известно, заказан, но Господь все равно звал к Себе. И оставалось одно – в чернецы. Он принял свой крест, а я – через него – свой.

– **Общаетесь? Хотя какое...**

– Отчего же? Ездил в прошлом году. А так – по телефону, и не очень часто. Монастырь все же... О душе по телефону не поговоришь...

– **Не почувствовали – не сожалеем?**

– Он сказал: «Мне в миру делать нечего». И я как-то утешился. Ведь что главное в любви к родному человеку? Чтобы душе того было спокойно. Наверное, это и есть главный жизненный крест каждого.

Скажите, пожалуйста...

<i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i>Валентин Иванович Николаев, 80 лет, журналист</i>	<i>Андрей Николаевич Печерский, 64 года, главный редактор газеты «Русь Державная»</i>	<i>Альберт Анатольевич Бартош, в крещении Олег, 37 лет, начальник PR-отдела</i>
Как вы понимаете: что такое нести свой крест?	В моем представлении крест – это совесть. Если человек дорожит своей совестью, своей честью, это значит, что он несет достойно свой крест.	Нести свой крест – это, прежде всего, честно выполнять свою работу. А она у меня неотделима от православной веры.	Следовать самому себе, своему имени, данному в крещении, или тому святому, в честь которого ты крещен.
Для чего Господь дает человеку крест? Это Божий Промысл, наказание или испытание?	Он несет сразу или по очереди всю триаду – и как Промысл Божий, и как наказание, и как испытание. Если это он пронесит достойно, то заслуживает того, чтобы называться человеком.	Я бы сказал, что это, конечно, Божий Промысл. Вряд ли наказание. С крестом ты все делаешь с упованием на Господа. И, естественно, это испытание.	Это обучение нашей души для жизни вечной.
В чем конкретно, вы считаете, заключается лично ваш крест?	Мой крест – это служение той профессии, которую я избрал и на всю жизнь, и очень давно. Пятьдесят лет я в Союзе журналистов и ни разу не пожалел, что избрал этот крест.	Мой крест – это воспитать окружающих меня людей, прежде всего своих близких, читателей в христианском духе.	Сложный вопрос. Составляющих очень много: победить страсти, взойти на гору любви, полюбить всех, как любит Господь.
Приходилось ли вам испытывать отчаяние от тяжести вашего жизненного креста?	Я никогда не впадал в отчаяние, у меня нрав веселый, я уже на девятом десятке. Трудности были. Жизнь меня всегда испытывала и на скручивание, и на растяжение.	Нет, никогда не приходилось.	Отчаяние, как и уныние, как все присущие нам грехи, конечно, посещали.
Как, по-вашему: крест угнетает человека или, напротив, укрепляет его?	Крест – это то, с чем мы должны идти, и он не угнетает человека, а только укрепляет.	Конечно же, укрепляет, как он может угнетать?! Это невозможно, как мне кажется.	Крест – это знак плюс, самолет крестом, птица крестом. Все, что стремится вверх, это хорошее. Коротко: крест – это не то, что угнетает, а что спасает.
Как вера помогает вам нести свой крест?	А вера и крест – это одно и то же. И говорить о том, как крест помогает вере, а вера помогает кресту, – излишне.	Это нераздельные понятия: вера православная и крест – все едино. Естественно, что вера, молитва – несомненно, помогают.	Только вера может помочь нести свой крест. Только вера может помочь любить Бога, ближнего и нести свой крест.

<i>Наталья Шева, 50 лет, страховой агент</i>	<i>Марина Иосифовна Филатова, 55 лет, врач</i>	<i>Алексей Костюченко, 27 лет, молодой отец</i>	<i>Анна Костюченко, 23 года, молодая мама</i>
Это жить так, как поставил тебя Бог, и не пытаться искать себе чего-то другого, стараться быть добрым, хорошим человеком.	Это значит честно, терпеливо, уповая на Бога, смиряясь с трудностями, идти по жизни, любить людей, не уходить, не уваливать в сторону.	Крест человека – это его путь, его обязанности, что возложены на него Богом изначально.	Допустим, у человека какие-то сложности. К примеру, кто-то инвалид или еще что-то, и до конца жизни нужно за этого человека отвечать.
Я думаю, что это Божий Промысл.	Для укрепления и для испытания. Господь не дает сверхтяжкую ношу, которую человек не может вынести, это укрепляет человека, очищает его душу.	Конечно же, Божий Промысл, и это – испытание. Потому что, как учат святые отцы, земная жизнь – это испытание перед вечной жизнью в Царствии Небесном, достойны ли мы его.	Только не наказание. Крест дается, чтобы человек рос, становился духовно крепче. Значит, это – испытание.
У меня супруг достаточно трудный человек, и я даже просила у батюшек благословения на развод, но они мне сказали: «Нет, не разводишься». И я несу этот крест дальше.	У меня много мыслей на этот счет. Я сейчас не могу их высказать. Меня ждут большие изменения в жизни. Поэтому не могу ответить на этот вопрос.	Как это ни прискорбно, я еще конкретно не осознал, в чем мой крест. Пока я вижу это в служении моей стране, нашей культуре, в родительском долге.	Очень уж глобально сказано. Ребенок – да, то, что всю жизнь, сколько бы ему ни было лет, все равно будешь волноваться, это на всю жизнь наш крест.
Да, конечно. Много раз думала: скорей бы уйти, уехать, не хочу это нести.	Конечно, испытывала отчаяние, сомневалась, нужно ли выполнять то, что я делаю сейчас, и мое ли это все.	Отчаяние, наверное, приходилось испытывать, но оно было настолько мизерно, что даже и не упомянешь. В уныние мы с женой не впадали.	Нет, мне не приходилось.
Крест человеку нужен, без него человек не сможет спастись. Надо так и относиться – без этого креста я не смогу спастись.	Конечно, крест укрепляет человека. Зная, как преодолел страдания и смерть Господь Бог, могу с уверенностью сказать: это укрепляет, однозначно.	Естественно, жизненный путь укрепляет, сращивает.. Испытания вообще укрепляют человека.	Укрепляет.
Поскольку я верующий человек, то я убеждена: крест нужен, чтобы попасть в Царство Небесное.	Вера в Господа Бога и молитва: «Не выпусти мою руку из Своей руки». Это помогает.	Только упование на Бога и помогает. Я не знаю, что еще может сравниться с силой веры человека. Чтобы понять, надо испытать это самому.	Согласна с мужем.

Голгофский крест¹

Крест нельзя «взять» – он уже лежит на *каждом*. Но можно нести его за Христом, исполняя закон любви, можно нести его за «отцом лжи», можно упасть под ним, как под непосильной ношей, – но *бросить* нельзя. И если некоторым людям кажется, что они живут очень «легко», без всякой тяжести, то это вовсе не значит, что они освободились от креста своего, а значит только, что несут они его не *в гору*, не к Истине и Добру, – куда его нести *тяжело*, – а падают с ним *под гору*, в черную пропасть зла и лжи, куда падать очень *легко*.

Каждый несет свой крест. У каждого есть свой период *страстной седмицы*. У каждого есть своя Голгофа, и каждый, бесстрашно идущий вперед и не устрасающийся голгофских страданий, – доходит и до *воскресения*...

Но Голгофский крест ложится не только на жизнь отдельных людей, он ложится на целый *народ*, на целую *страну*.

И я думаю, что ни один народ не несет столь тяжелого Голгофского креста, не несет его так долго и терпеливо, как народ *русский*.

Его называют *Богоносцем*.

Неверное название!

Крестonosцем...

«Страстная седмица» затянулась для него на долгие века. А он все ждет, все терпит, все верит в свое *воскресение*.

«Нести крест надо не куда-нибудь, а за Христом».

Исполнил ли этот завет русский народ?

Исполнил. Избрал самый трудный путь – *в гору*.

Надо научиться у народа верить *свято* и *ненарушимо*, до полнейшего душевного, непоколебимого спокой-

Клеймо иконы священномученика Владимира Амбарцумова (Москва, Зачатьевский монастырь). Одна из бесед с о. Валентином, после которых будущий святой пришел к православию

ствия, того спокойствия, которое дает силы умирать без тени ужаса, точно человек отходит ко сну. Надо научиться вере, которая дает силы нести самый тяжелый жизненный крест с твердостью, с терпением, с любовью, и в самых ужасных условиях, в каких можно только представить себе жизнь человеческую, гонит прочь отчаяние и научает в нужде, в труде все же любить и благословлять жизнь.

Вне Голгофы – нет христианства. Не иметь отношения к Голгофе – значит не иметь отношения к христианству. Если на Кресте совершилось подлинное искупление, если все муки, не исключая смерти как результата греха, были приняты Христом в душу Свою и воистину побеждены Любовью, восторжествовавшей в Его Воскресении, то всякий желающий приобщиться Христу, жить

вместе с Ним, любить Его, служить Ему должен принять в свою душу Его Голгофу.

Нельзя быть Христом, нельзя принять в душу свою все страдания Его, но взять сильную ношу – необходимое условие христианства. У каждого своя Голгофа, и каждый, восходя душой своей на лобное место, по-разному предает себя на распятие. Но, каково бы ни было страдание это (распятие в нем всегда будет страдать со Христом), непрерывно ощущать иглы венца Его – вовсе не значит впадать в беспросветное, преступное уныние. В муках Голгофы уже содержится торжествующая радость Воскресения. В скорбях смерти уже трепещет начало истинной жизни. И если христианство – непрерывная Голгофа, то в то же время оно и непрерывная радость. Мука и радость здесь одно. Но такая мука и такая радость *обязывают*. Постольку, поскольку будет человек причастен страданиям

Христовым, постольку это выразится и в религиозном действовании. Нельзя говорить: я умом познал Христа и душой люблю Его, но не настолько совершен, чтобы и воля моя была христианской. Это ложь. Познание Христа, живое участие в Его муках Голгофы и в радости Его Воскресения предполагает веру. Степень веры и любви определяет и степень познания. Вера без дел – мертвая вера. Христианскую веру нельзя мыслить без религиозного действования. Когда вера во Христа никакого отношения к жизни не имеет – это явная ложь: не религия, а духовный блуд. Живая вера начинается только там, где начинается религиозное дело.

Играть в христианство преступно – каждый шаг должен быть направлен на то, чтобы, разрывая все пути, которыми привязана душа, разрушая стены, которыми загорожен от нас путь к подлинной жизни, – шаг за шагом, в упорной внутренней борьбе, не щадя

¹ Представлены выдержки из работ «Голгофский крест» (1912), «Чего больше всего не хватает интеллигенции?» (1911), «Взыскующим Града» (1906), «Религиозный смысл “Бранда” Ибсена» (1907), «Террор и бессмертие» (1908), «Голгофа» (1910), входящих в Собрание сочинений прот. Валентина Свенцицкого, выпускаемого издательством «Дарь».

сил своих, до язв кровавых, через ледяные вершины, безбоязненно, с твердой верой и пламенной надеждой идти к своему Отцу. Пусть неверующие смотрят на жизнь иначе – кто хочет быть христианином, должен помнить, что на него при крещении надет крест, и крест этот на своих плечах он должен достойно пронести через всю жизнь.

Христианин берет на себя особый крест, особое бремя, бесконечно тяжелое по тому личному подвигу, который делает человека достойным этого креста, и бесконечно легкое по той радости, которое несет оно в мир.

В учении Христа как бы с «некоторым» противоречием даются заветы «взять крест свой» и «всегда радоваться», но Голгофа есть живое «осуществление» в едином акте всего христианства. Это как бы синтез всего дела Христова. Поэтому и в Голгофе крест соединяет в себе орудие пытки, орудие позорнейшей казни и самой полной победы, какую когда-либо видел мир, победы «над грехом и смертью». Соединяет величайшую скорбь распятого Бога – с величайшей радостью воскресшего «первенца из мертвых».

...Если возможно пренебречь и не испытывать личных своих страданий, то, по самой сущности человеческой психологии, нельзя убежать от сострадания, от жалости, от сознания, что страдают другие. Можно зажмурить глаза и жизнь превратить в игру в жмурки, но если иметь честность и смелость посмотреть мировому страданию прямо в глаза и представить себе со всей реальностью то, что творится ежеминутно на нашей земле, нельзя остаться «нормальным» человеком. В течение одного часа на всей земле убиваются десятки людей, насилуются дети, коверкаются человеческие души. И если вы силой своего воображения перенесете все эти «заглазные» сцены убийств, насилия и всех ужасов в свою маленькую комнату и переживете их там, как будто они совершались на ваших глазах, – вы от неизбежного потрясения станете безумным.

Или возьмете крест, подниметесь на Голгофу, поставите крест свой рядом с крестом Христовым и сделаетесь участником Его Голгофы, понимаемой не как душу раздирающая казнь, а как великое событие, объединявшее и смерть человеческую, и Его воскресение.

Отвергните Голгофу – и тогда или превращайтесь в тупых, ничего не видящих, не чувствующих, ничем не болеющих, бездушных манекенов, безличных и жалких полулюдей, или откройте двери вашей комнаты для человеческих криков и стонов, и тогда бегите как умоиступленный на край света...

Примите Голгофу – и тогда не давайте траура и не бейтесь истерически головой о голгофский крест, а поверьте всей душой своей, что смерть уже побеждена, что мир уже получил силы для своего спасения, – и лишь нужно проявить эти силы во всю их потенциальную мощь. И тогда не делайтесь сумасшедшим, а с серьезной, глубокой радостью, в которой и смех, и слезы сочетались чудом каким-то в одно, – идите в жизнь для совер-

шения своего великого жизненного подвига.

Если вы поверите по-настоящему в Голгофу – вы не будете растерянно хвататься за голову при виде чужого горя и не будете свои жалкие личные невзгоды переживать как «венец мученический», – вы будете страдать глубокой скорбью вместе с страдающими, в то же время связывая данный момент с вечностью, частное – с общим, индивидуальное – с общечеловеческим, земное – с космическим, смерть – с воскресением; вы найдете в себе «божественные» силы не пасть под ношей этих безмерных человеческих страданий, вы найдете в себе силы выйти на победоносную борьбу с ними.

Вера в Голгофу, понятая не как «казнь», а как победа над самой страшной «мировой казнью», над смертью, – сделает человека бесстрастным в смысле отсутствия рабской привязанности к наслаждениям плоти, равнодушным ко всем личным неудачам, сильным и бесстрашным в борьбе со злом мира, во всех его безграничных проявлениях.

Крест – символ не траурной религии страдания, а победной религии воскресения. Он соединил в одно печаль «потемневшего неба» и радость «зеленой Галилеи».

*Публикацию подготовил
Сергей В. Чертков*

СЕКРЕПЫ

*Когда укоряют, если
можешь понести –
понеси, не можешь –
ответь тихо.*

*Преподобный
Анатолій Оптинский*

Письмо сыну

Сын мой, Антоша!

Жестоко обошлась с нами жизнь. Тебя нет. Жестче не бывает. Жизнь потеряла смысл. Да и можно ли назвать жизнью наше существование, на которое мы оказались обречены? Застыли чувства, потускнела душа. Ни радости, ни боли, ни душевного крика. Разве что тупое, глухое отчаяние порой, как будто все зашелкнлось внутри и ушло в глухую защиту.

Родной мой, единственный!

Ты ушел, а я не верю. Куда ни кинусь в своих бессмысленных метаниях – везде ты. Сижу, разговариваю – ощущаю теплую щеку на своем плече, вздрагиваю – ты. Кто-то прошел по коридору, встретился – ты.

Ты и сегодня со мной. Ты мне очень нужен. Я все время нуждаюсь в твоей помощи и поддержке. Я не потерял надежду на то, что однажды сквозь твою всепоглощающую улыбку, которую я храню в памяти, пробьется звук, и я услышу всепобеждающее «папуля».

Боже мой, как я понимаю тебя сейчас. Я горжусь тобой и должен сказать об этом всем.

Трудно складывалась твоя жизнь, дорогой, ох, как трудно!

Бедка обрушилась рано. Почти в младенчестве обнаружилось, что ты потерял слух.

Нетрудно представить, что творилось тогда с Мамулей и со мной. Дверь в волшебный мир звуков Герберта фон Караяна была для тебя закрыта навсегда. Но – ирония судьбы: когда тебя спрашивали, кем ты хочешь стать, ты, не задумываясь, отвечал: дирижером.

Господь был милостив к нам, у нас появилась опора: Иван Афанасьевич Соколянский, профессор Института дефектологии. В свое время этот чудо-человек

научил говорить одну глухонемую девушку. Он познакомился с нами, обследовал тебя, а потом изрек слова, ставшие для нас путеводными на всю жизнь:

– Прорывайтесь! Оставьте медиков в покое. Они не смогут помочь.

Он учил нас именно этому – пробиваться.

Поначалу я взял это на себя. Я учил тебя познавать мир: рисовал картинки на каждую букву, обучал произносить звуки, соединять их в слова.

Курс начальной школы тебе помогла освоить твоя первая учительница – замечательная Лидия Сергеевна Виноградова. Она приходила к нам в мастерскую заниматься с тобой.

Антоша! Долгие годы мама и я были рядом с тобой. Мы пробыли вместе. Я знаю все твои шаги и поступки – сначала робкие и неуверенные, потом активные и решительные. Я видел своими глазами, как мужественно, не ропща и не жалуясь, ты нес свой слишком тяжелый крест, как своей улыбкой ты согревал наши отчаявшиеся души. Я сознательно старался не слишком опекал тебя и с гордостью наблюдал, как стойко вел ты себя в сложных обстоятельствах. Ты – подлинный герой!

Ты привык к самостоятельности и мужественно преодолевал все

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Маленький Антоша поднял голову и с задумчивой серьезностью обратился к отцу:

– Папуля, какой ты премиленький. Я хочу подарить тебе дружество.

– Я не прочь, – так же серьезно ответил отец и, нагнувшись, ласково щелкнул сына по макушке.

Так было.

Об Антоне Куманькове читайте Страну красок

барьеры. Сначала тебя не хотели принимать в Московскую среднюю художественную школу, потом в Суриковский институт.

В плеяде наших друзей стоит надежное имя – Евгений Адольфович Кибрик. Это был великий книжный иллюстратор и прекрасный человек, профессор Суриковского института. С ним нас познакомил художник Юрий Иванович Пименов. Кибрик посмотрел твои школьные работы и сказал: «Он прирожденный портретист. А знаете, кто такой портретист? Это тот художник, который видит взгляд. Сколько их, художников, рисующих оболочку лица, – а взгляда они не видят!»

В твоих портретах есть живые человеческие души, утепленные художником-другом. Создавая портрет, ты проникал в сущность человека быстрее, с меньшими усилиями. Ты был осенен Божьим вниманием: твоя высочайшая интуиция – это дар Божий.

Ты с отличием окончил графический факультет института. Я поклонник твоих работ, Антоша, и не потому, что ты мой любимый сын. Мне нравится тепло и свет, которым они пронизаны. Ты сам был пронизан светом и в искусстве сохранил этот свет. Особенно это чувствуется в картине «Девушка пела в церковном хоре». Она не нуждается в комплиментах: светит нежным светом. «Девушка» могла бы украсить стены многих музеев страны.

Два художника, мы жили с тобой под одной крышей, ездили по одним просторам, но построили каждый свои творческие миры, совсем непохожие. Мы часто говорили с тобой об искусстве, и, думаю, я многое перенял от тебя. Но только сейчас я осознаю, что не до конца понимал тебя... Недавно Мамуле ты признался, что хочешь заняться иконописью.

Дорогой мой Антоша! Я плачу, мои мысли путаются, а мне еще так много нужно сказать тебе. Ты был человек удивительный. Ты прожил трудную жизнь, но прожил ее достойно и красиво. Ты верил в жизнь. Ты любил и умел идти навстречу. В этом – твоя золотая черта, доставшаяся тебе от Мамули.

У тебя была обостренная потребность общаться, общаться с открытой

душой. Это счастливое свойство твоего характера, твоей богатой натуры. В любое общество ты входил как равный собеседник, был душой любой компании...

Недавно в песне Жака Бреля я услышал потрясшие меня слова «У меня беда: я потерял доверчивость». С этой потерей мы живем, не чужды беды. А ты – счастливчик. Ты не терял ее. Доверчивость вела тебя, хотя на твоём пути попадались и плохие люди, и ненастоящие друзья... В тебе было великое свойство: ты никогда не жаловался. Благодаря своей доброте ты быстро прощал людей и не таил обиды.

Сынок мой родной! Счастье мое! Пишу это письмо к тебе. Упорно пишу, с трудом управляясь с ручкой, с трудом выводя строчки. Все заглушено отчаянием. Глубоким отчаянием. Боже мой! Четыреста двадцать семь дней прошло с того дня, как ты ушел от нас навсегда. И опять отчаяние. Когда оно достигает крайних пределов и становится невыносимым, я беру себя в руки и приказываю себе остановиться. У нас в жизни было разное. Были порой и радостные дни, да еще какие. Чистое голубое небо. Воспоминания об этих днях выводят меня, как у Абуладзе, на дорогу к Храму.

Ты своим сиянием украсил нашу жизнь. Появилась неземная радость. Когда я смотрел в твои открытые глаза, то видел твою щедрую любовь к Мамуле. Она и только она! Это нельзя забыть. Это невозможно забыть – счастье, что все эти долгие годы с нами была любимая женщина, великая женщина, друг и союзник во всех начинаниях. Не любить ее было невозможно. А то, как любил ее ты, не передать словами! Святое слово «мама», и этим все сказано!

К о н ч а ю ,
родной!

Я получил
свою порцию

скорби, которая переполнила наш грешный мир. Но я получил и свою долю тепла и света, который возникает всякий раз, когда я вспоминаю о тебе.

Мне все мнится, что ты рядом: то копошишься на стеллажах нашей уютной любимой мастерской, то переворачиваешь свои планшеты, то смотришь в окно на Нескучный, на плывущие по Москве-реке пароходики. А то просто сидишь вечером и листаешь альбомы художников, особенно внимательно рассматриваешь своего любимого Магритта.

Но я жду чуда. Прислушиваясь, я ловлю звуки в надежде услышать заветное «папуля». Верю, что совсем скоро мы снова вместе посмотрим на прекрасные вершины мелиховских лип. А может быть, нам повезет и мы вместе полюбуемся твоим шедевром «Девушка в белом».

Истово молю Всевышнего, чтобы он до последних моих дней помог мне сохранить незабываемые картины твоей любви к нашей исключительной Мамуле. Спасибо тебе, огромное спасибо за эту любовь.

Покидая жизнь, мудрейший Л.Н. Толстой прошептал: «Я очень люблю истину». Мы скажем прощание: мы любили жизнь и нашу Мамулю – прекрасную женщину Марианну Владимировну, которая вела нас с тобой по этой жизни. Она наш Ангел-хранитель, она из тех, кто приносит свет!

Только ее любовь, сынок, сейчас и держит меня на плаву.

Евгений Куманьков

Антон Куманьков. Портрет отца

Святой и его родня

Двадцатый век был удивительным временем для Русской Православной Церкви. В самые страшные годы в ней расцвела святость первых веков христианства, исповеднического и мученического подвига. Трудно принять умом, что новомученики – наши с вами современники. Обретая свой истинный дом на небе, на земле они оставляли духовных чад и... родню. Тонкие ниточки кровной привязанности, животворящие русскую землю. Одна такая ниточка и привела меня к Любове Ивановне Горячевой, правнучке преподобномученика Амвросия (Астахова).

Марина Нецветаева

– Батюшка Амвросий приходился родным братом моему прадеду, Матвею Аникеевичу. У них еще сестра была, но как ее звали, никто не помнит. У моей бабушки, Ксении Матвеевны, было шесть детей. Григорий, Варвара, Надежда, Наталья, Анна и Василий. Мама моя – Надежда Дмитриевна, я у нее одна. У Анны Дмитриевны, ее сестры, трое детей. У Натальи Дмитриевны дочка в Ногинске живет, у Григория Алексеевича двое детей, у Варвары Алексеевны один сын и у Василия Дмитриевича тоже один сын. Вот такая родня наша, астаховская. Нас много.

– **Общаетесь между собой?**

– Конечно. Собирались на патриаршее служение и сфотографировались в храме у отца Георгия, в Ховрине. И, как водится, всегда встречаемся на свадьбах и похоронах.

– **Как вам жилось в годы гонений? Приходилось скрывать, что в семье есть священник?**

Архимандрит Амвросий (в миру Алексей Аникеевич Астахов) родился в 1860 году в селе Борисовка Лебедянского уезда Тамбовской губернии в религиозной крестьянской семье. О детских и юношеских годах известно мало. Служил в Казанском Головинском монастыре. В 1930–1937 годах жил в селе Ховрино Московской области, где служил нештатным священником в храме иконы Божией Матери «Знамение». Арестован 29 сентября 1937 года. Менее чем через месяц, 21 октября, расстрелян и погребен на Бутовском полигоне. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память: 8/21 октября; в день Собора новомучеников и исповедников Российских (7 февраля, если это воскресный день, или в первое воскресенье после 7 февраля); в день Собора Бутовских новомучеников (четвертая неделя по Пасхе).

Родня святого (икона в центре) слева направо: Елена (правнучка о. Амвросия) живет в Липецке, работает в Школе бизнеса; Любовь (наша собеседница) живет в Москве, главный бухгалтер ООО «ВИНОН»; Олег (муж другой правнучки святого, Людмилы), полковник внутренней службы Главного управления МЧС по Москве; Дмитрий (сын Людмилы, уже праправнук), учится в 5 классе Ломоносовского лицея в Ногинске; Олег (сын Елены и тоже праправнук), аспирант кафедры экономики, воспитатель Института менеджмента, маркетинга и финансов в Липецке; Евгений (сын еще одной праправнучки, Наталии), в аспирантуре Липецкого педагогического института; Людмила (праправнучка и тоже двоюродная сестра Любви), подполковник внутренней службы Главного управления МЧС по Москве, вся семья живет в Ногинске.

Фото Евгения Борисова

– У нас в семье было два духовных лица. Бабушкина тетька, Маришка, подвизалась монашкой в Каширском монастыре. Пока можно было, бабушка Ксения навещала и ее, и батюшку Амвросия. Собиралась бабушка тайком от близких. Взрослые пошушукаются в суднике – это вроде кухоньки, где печка раньше была. Потом бабушка выйдет и скажет: «Ведите себя хорошо, не шалите, носы не расквасьте». Оденется и пойдет. Раз бабушка приехала к отцу Амвросию, а он вдруг снимает с

себя валенки и отдает ей. «Мне больше не понадобятся...»

– **Семье сообщили о расстреле?**

– Думаю, бабушка сама обо всем догадалась в очередной приезд. Может, батюшка Амвросий что-нибудь и писал, может, нет, – но о его гибели семья каким-то образом узнала. А тетка Маришка тоже пропала, и никто не знал, что с ней.

Интересно сложилась судьба дедушки. Он был первый коммунист на деревне. Страшное творил – иконы в печку бросал. А бабушка рыдала. И вдруг что-то произошло – он переменялся. С раннего детства помню, как дед молился. У него были толстые книжки на старославянском. Когда он молился, нас выпроваживали из избы. Думаю, он стал таким по молитвам бабушки. И, конечно же, батюшка Амвросий поспособствовал.

В детстве тетя Варя, старшая мама-на сестра, меня учила трем молитвам. Их надо было прочитать перед тем, как лечь спать. «Отче наш», «Богородице» и «Пресвятая Троице». А с бабушкой я в храм ходила, меня исповедовали, причащали, но это все было до школы, а потом

бабушка уже не смогла ездить ко мне. Став взрослой, я заходила в храм, только когда надо было бабушку с дедушкой помянуть. Свечку, записочку... А в 38 лет захотела поехать за границу. Пришла в турфирму. Спрашивают: «На какой период едете?» – «С такого-то по такое-то число». – «На это время ничего, – говорит оператор, – либо раньше, либо позже. Впрочем, нет – имеется еще паломническая поездка! Такой вариант устроит?» И вот я стала собираться в Италию, в Бари. Приготовила майку, шорты, а оказалось, нужна длинная юбка, кофта с рукавами. Половина паломников была из храма Николы в Пыжах. Я привыкла: Николай Угодник да Николай Угодник. И вдруг гид зачитывает: «Николай, чудотворец из Мир Ликийских». – «Ох, да кто же это? – думаю. – Я такого не знаю!» Паломники перед поездкой 40 дней читали акафист. Там певчие были, батюшка из их храма. Вот так Никола в Пыжах меня к себе привел. Впервые в жизни я сознательно причастилась там, в Бари.

– В чем, на ваш взгляд, проявляется верующий человек?

– В терпимости к ближнему. Нужно иметь смирение, уметь стерпеть, смолчать. Пусть тебя обидели, но если ты преодолешь этот момент, Господь обязательно тебя вознаградит. Возлюбить человека, который тебя любит, легко, а врага – тяжело. Но если ты пожалеешь обидчика, отнесешься к нему с душевным теплом, он изменится и станет чуть ли не самым близким другом.

– Как по-вашему: отличаются сегодняшние верующие от прихожан отца Амвросия?

– Думаю, что да. Мы – народ слабый. Все на нас влияет: экология, гены, телевидение, интернет. Чтобы уцелеть, нужно уйти в какую-то глушь, как раньше староверы, в леса. Столпники веригами себя отягощали и считали, что недостойны благодати, а у нас, если ты пост держишь, да еще и в среду-пятницу, – вот это да! Нам остался единственный подвиг – смирение. И упование на заступничество святых.

– Что вы испытали, когда узнали, что ваш родственник канонизирован?

– Это было потрясение. В храме у священника спрашиваем: «Вот, бабушкин дядя у нас причтен к лику святых, как его теперь помянуть в записочках?» – «Что вы, какие записочки! Вам молиться ему надо, просить устроить вашу жизнь. У вас теперь такой заступник и ходатай перед Богом!». Когда люди

узнают, что в роду у нас святой, они говорят: «Ой, как вам повезло!» На самом деле к такому очень трудно привыкнуть. На плечи ложится огромная ответственность. Нужно соответствовать своему великому родственнику, а мы же люди простые, как все. Но наша задача в том, чтобы как можно больше людей узнало о батюшке Амвросии. Особенно на родине, в Липецкой области. Там еще живут старенькие бабушки, которые знают от своих родителей, что их земляком был священник отец Амвросий.

– Приходилось ли обращаться с молитвой к батюшке Амвросию?

– Перво-наперво к нему! Он свою родню не забывает. Вот что было однажды. Моя старая тетя жила одна; дочь, правда, навещала каждую неделю, привозила продукты, готовила, но уезжала. Сами понимаете, дом, семья, работа. Потом тетя стала сдавать. Как-то раз сестра в печальных раздумьях приехала к ней, а тетя говорит: «Ко мне поп приходил». Ну, может, священник знакомый, подумала сестра. Только как же он зайдет, дверь-то на замке! Наверно, пугает старуха. «Твой поп по телефону звонил?» – «Да нет же, приходил!». В следующий раз снова та же история. Поп да поп! «Зачем же он приходит?» – «Он меня подлечить хотел!» – говорит тетя. И в самом деле, ее здоровье, несмотря на годы, заметно поправилось. Уже не приходилось бояться за нее.

Батюшка помогает не только своим. Моя сестренка Лена работает в институте повышения квалификации. Как-то раз проходил у них семинар для заведующих детскими садами. У Лены при себе были иконки новомучеников, погибших на Бутовском полигоне, и в том числе и образок батюшки Амвросия в полный рост. И вот во время перерыва к ней подходит заведующая: «Елена Михайловна! Где вы взяли этот образ? Это же батюшка Амвросий!» – «А вы что, его знаете?» –

удивилась Лена. Буквочки на иконе были такие маленькие, с ходу не прочитать. – «Да я три года его ищу, он ко мне приходил и сам сказал, что он Амвросий! Мне показывают иконки, да все не те!» Женщина эта была замужем за каким-то чиновником, и однажды во время отдыха в подмосковном санатории ей приснился сон. «Как будто я нахожусь в домишке, – рассказывала она, – и входит священник, отец Амвросий. И говорит: «Что же ты, православной себя считаешь, а „Верую“ не знаешь!». А она до тех пор действительно не знала эту молитву. После этого случая женщина пыталась раз узнать хоть что-нибудь про батюшку, но все расспросы приводили к Амвросию Оптинскому. Когда же Лена, вернувшись из Москвы с патриаршего богослужения, показала ей фотографии часовенки на Бутовском полигоне, та все узнала. «Это тот самый домик, который я видела во сне!»

– А вы чувствуете поддержку свыше?

– Конечно! Мы в семье всегда чувствовали, что кто-то нам помогает, и гадали: как же нам подается все необходимое? Думали, через дедушку, благодаря его коленапоклоненным молитвам. Теперь-то знаем... Все внуки и правнуки в семье Астаховых получили высшее образование, выезжали за границу. Я с мужем в Германии была, моя сестра двоюродная поехала туда вольнонаемной, заведовала летной столовой в воинской части и встретила будущего мужа. Двоюродный брат с женой два года в Финляндии работал. Из нашей молодежи почти все уже институт закончили. Кто-то пошел по военной стезе, кто-то по научной. Новых священников в роду, правда, пока не появилось. Самый младший племянник учится в пятом классе. Мы ему говорим: «Димулька, ты у нас главная надежда, может, продолжишь преемственность?». Бог усмотрит.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

– Следствие располагает данными, что вы своих почитателей обрабатывали в антисоветском духе. Вы это подтверждаете?

– Да, я действительно говорил, что советская власть на религию и духовенство устраивает гонения, говорил, что советская власть есть власть антихриста, посланная в наказание народу за грехи.

– Изложите ваши взгляды на советскую власть.

– К советской власти я отношусь враждебно, считаю, что советская власть разрушает храмы, ссылает совершенно безвинное духовенство и верующих. По своим убеждениям я являюсь монархистом, а советскую власть я рассматриваю как временное явление... Люди в России, которые по своей глупости свергли царя, сейчас в этом раскаиваются, потому что видят очень много несправедливости от советской власти, чего не было при царе.

«Москвич», Акимовна и другие страницы деревенского патерика

КАК Я ОКАЗАЛСЯ ЗА РУЛЕМ (объяснительная)

Если бы я не стал священником, то, наверное, никогда бы не сел за руль.

В детстве среди моих игрушек машинки, конечно, были, но играл я ими без особого энтузиазма. И при всем богатстве воображения, развитого во время учебы на режиссерском отделении, даже в страшном сне не представлял себя ведущим автомобиль. Однако служба в сельском приходе и настоячивые просьбы матушки заставили-таки меня поступить в автошколу.

С первого захода мне удалось продержаться в школе около месяца. После я ушел, скажем так, в академический отпуск. Для этого были и объективные причины: череда церковных праздников, требы, церковно-хозяйственные заботы, сессия в Свято-Тихоновском университете. И все-таки главная причина моей капитуляции носила субъективный характер. Я боялся машин.

Через полтора года матушка, отчаявшись увидеть меня за рулем, сама взяла благословение на учебу в автошколе. Вместе с ней вернулся и я. Когда я впервые пришел на занятия, меня удивило, что группа обучающихся на 80 процентов состоит из девушек. Теперь же в группе было 90 процентов представительниц слабого пола. И даже вела занятия девушка. Это меня уже не удивляло, а поторапливало. Если снова возьму отсрочку на год-другой, буду один в автошколе позорить мужскую половину. Впрочем, краснеть мне пришлось уже сейчас, когда матушка лихо расправлялась с теорией и показывала класс вождения на практике. А я спорил с компьютером, требуя поправок к правилам дорожного движения, и глох на каждом перекрестке, путая педали.

Но чудо бывает. И то, что я в положенный срок получил права, – лишнее тому подтверждение. Дай Бог здоровья директору автошколы, который накануне экзамена не выпускал меня из-за компьютера, и сотруднику ГИБДД, который на сдаче вождения сделал вид, что задремал.

КУДА НЕСУТСЯ КУРЫ?

Был погожий осенний денек. Я летел по селу на своем «москвиче» со скоростью 30 км в час. Спешил к началу службы.

Вдруг дорогу мне перебежала кошка. Не черная, а серая. Да если бы и черная, что с того? Мне по сану не положено суевериями увлекаться.

Я бы и внимания не обратил на эту злополучную кошку, если бы вслед за ней не понеслась глупая курица. Еще секунду назад она неторопливо расклевывала валявшийся на обочине огрызок. Кошка, перебегающая дорогу перед носом автомобиля, вдохновила курицу, и та тоже увлеклась экстремальным видом спорта. Но ни у птицы не было времени хорошенько разогнаться, ни у меня – толком затормозить.

Куриная смерть наступила мгновенно. В зеркало заднего вида я видел кучу пестрых перьев на дороге и тушку пеструшки на обочине. Свидетелей у этого ДТП не было.

Перед кем же виниться? Чья же эта курица?

Вдалеке у калитки стояла группа женщин. Я к ним. Так, мол, и так. Виноват, говорю. Подошли с ними к месту происшествия. Осмотрели погибшую.

– Это Валентины Алисовой птица, – опознала одна из соседок. – У нее инкубаторские, дурные. Так и лезут сами под колеса.

Вроде как утешили батюшку.

Тут вышла за ворота хозяйка сбитой курицы. Подняла за ноги трупик. Посмотрела на побледневшего водителя.

– Третий день за рулем. Только на вторую передачу переключился. Раньше и мухи не обидел, а тут курица, – забормотал я, потупив глаза.

– Да ладно. С кем не бывает, – миролюбиво улыбнулась понесшая урон домохозяйка. – Я вот думаю, куда бы ее деть... Может, возьмете? Собакам.

– Да ее и собаки есть не будут, – вступила в разговор соседка. – Старая курица. Она, наверно, не дождалась, когда ее хозяева зарежут, и покончила жизнь самоубийством.

Посмеялись и разошлись.

После службы я передал для пострадавшей хозяйки коробку конфет. Хоть как-то... Правда, Женька, который эту коробку относил, не удержал-

– Отец Владимир слушает!..

Матушка и попятя. Так и ездим, хором

ся и схохмил: «Вот вам, баба Валя, от батюшки. Помяните курицу...»

РАЗВЕНЧАНИЕ

Молодая пара договорилась о венчании. Решили сразу после загса, по lany любви и мостов ехать в храм.

Я похвалил их намерение, но напомнил, что венчание – таинство, а к таинству надо готовиться. Надо бы накануне исповедаться, причаститься. Пара призадумалась, а потом и передумала. «Раз это такое серьезное дело, то мы и не будем венчаться, – сказали. – А то потом, в случае чего, фиг развенчаешься».

Что ж, весьма прагматично.

ТОРМОЗ

Застрял. И где?! Не на глухой проселочной тропе, заваленной снегом, а на расчищенной дороге в центре города. Обидно.

Выскочил из машины на пять минут в отделение Сбербанка, где у нашего прихода наконец-то появился счет, и вот уже почти полчаса, включив аварийку, пытаюсь оторваться от бордюра. Машина дергается, будто приклеенная. Я давлю на все педали и дергаю за все рычаги как угорелый.

Обратиться за помощью к кому-нибудь из прохожих не дает гордость. Вызвать в очередной раз на помощь кума не позволяет совесть. Он уже и так со мной за последние полтора месяца намучился. И толкал, когда я глупейшим образом посадил аккумулятор, бросив на стоянке на целый день автомобиль с включенными фарами. И мчался мне на выручку с буксировочным тросом, когда я лихо свернул замок зажигания, остановившись в пяти километрах от дома. Словом, в этот раз решил я выбираться самостоятельно.

Прохожие, как им и положено, проходили. Одни, заметив мои автомобильные страдания, сочувственно кивали головой. Другие плохо скрывали улыбку. Когда мне удалось со страшным ревом на несколько сантиметров продвинуться вперед, жители соседнего дома прильнули к окнам. Один мужчина в тельняшке даже выскочил на балкон и стал, темпераментно жестикулируя, давать мне рекомендации, как надо сдавать назад. По всей видимости, это был хозяин серебристой «Лады», в которую я рисковал врезаться при резком рывке вперед.

Когда я пришел в совершеннейшее изнеможение, машина, словно жалея водителя, тихонько выползла на большую дорогу. Отключаю аварийку и с удивлением продолжаю слушать тревожный писк автомобиля...

Так я и сорвал ручной тормоз.

О УПОКОЕНИИ АКИМОВНЫ

Приехал в соседнее село Ржавец. На панихиде читаю поминальную книжечку и вдруг запинаясь.

– Это как прочесть? – спрашиваю у хозяйки помянника.

– Акимовна.

– Это же отчество!

– Ну, отчество.

– А имя?

– А имя ее я не знаю. У нас ее все Акимовной звали.

МЕНЯЮ ТРИ «ЗАПОРОЖЦА» НА СПОКОЙНУЮ ЖИЗНЬ

Батюшка увидел объявление в газете о продаже трех «запорожцев» по цене одного чайника и потерял душевный покой. Боясь упустить свой шанс стать наконец-то владельцем автомобиля, он дрожащими пальцами начал набирать указанный в объявлении номер. Однако взял себя в руки и решил сперва посоветоваться с опытным автолюбителем из числа прихожан.

– Батюшка, – вздохнул эксперт, – вы книжки читаете?

– Разумеется.

– Купите «Запорожец» – перестанете читать... А, простите, материтесь?

– Боже упаси.

– Купите «Запорожец», начнете материться, – авторитетно заявил опытный автолюбитель.

... И батюшка купил чайник.

ВО ЧТО ВЕРИТ ИНСПЕКТОР ГАИ?

Могу авторитетно заявить, что среди инспекторов ГАИ нет нерелигиозных людей. Все они так или иначе верят в существование высших сил. Только одних инспекторов можно называть верующими, а других вернее будет называть суеверными. Первые не наказывают батюшек-автолюбителей (даже если есть за что) из уважения перед священным саном. Вторые – по соображениям личной безопасности. Оштрафовать человека в черной рясе – это все равно что пройти по дороге, которую перебежала черная кошка.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Жизненный путь. В детстве он казался мне этаким ровненькой дорож-

кой, по которой можно бесконечно долго катить на трехколесном «велике» и улыбаться провожающему меня взглядом бабушке.

Дедушка умер, когда я учился в первом классе. К тому времени я уже пересел на велосипед с двух колес. Но мои представления о жизненном пути существенных изменений не претерпели.

Прошло еще неполных три десятка лет. За спиной остались и школа, и институт, и армия, и снова школа. Плюс редакции трех газет. А я все катил по жизни колом и улыбался.

Надо было стать священником, сесть за изучение правил дорожного движения и выехать на дорогу, чтобы понять простую вещь: и тротуары, и обочины, и даже кюветы – тоже часть дороги. Если зазеваться, можно и туда улететь.

Жизнь – не велосипедная прогулка, а ответственное задание. Надо доставить в указанное место ценный груз. Груз этот – душа, а место...

У Бога обителей много.

ЕЗДОВАЯ СОБАКА

Обычно автомобиль сравнивают с конем. «Стальной конь», – говорят. А мне мой «москвич» (комби) больше напоминает собаку. Такую классическую дворнягу, с которой на охоту, конечно, не сходишь, но курей по соседским дворам погонять можно. Впрочем, о курах я уже, кажется, рассказывал. Не буду повторяться. Вернусь к собакам.

Когда я выхожу из храма после службы, она (машина) стоит у церковных ворот и преданно ждет хозяина. Мерещится мне, что и уши у нее имеются, и хвост. А увидев меня, она приподнимается на задние колеса и скулит от радости. После установки нового карбюратора она почти вылечилась от синдрома кенгуру. Если бы педаль газа не западала, двигаться можно было бы намного плавнее.

При левом повороте машина изредка полаивает. Где-то провода «коротят», не могу найти хорошего автоэлектрика. Зато когда я пытаюсь заставить автомобиль подать голос, он хранит гробовое молчание. Скорости в коробке передач иногда меняются местами. Там, где

Распутица

Фотографии автора и его крестника Александра Рудакова

должна быть третья скорость, запросто может оказаться задняя.

Стрелка на спидометре просыпается лишь тогда, когда машина разгоняется до ста километров. Месяц я гонял с неработающими дворниками, пока Женька не пришпандорил на панельную доску банальный комнатный выключатель. «Родных» запчастей на «Москвич» уже днем с огнем не найдешь. Одна надежда на разборки.

Если бы мне вздумалось дрессировать свой автомобиль, то вместо кусочков сахара я использовал бы моторное масло. «Москвич» его просто обожает и потребляет почти в таком же количестве, как и бензин.

Есть и другие особенности моего автомобиля, шокирующие знатоков автодела. Но я умолчу о них. Поберегу чужие нервы. Да и зачем разглашать все тайны? Ведь в новом году пред-

стоит новый техосмотр. Если среди проверяющих техническое состояние окажутся читатели этих строк, простой закраской ржавых пятен я уже не отделаюсь.

Да я бы и готов был отдать свое транспортное средство в капитальный ремонт. Но почему-то, как только «москвич» поворачивает к воротам автосервиса, тот закрывается на перерыв по техническим причинам. Сейчас пошло поколение автослесарей, которые стариков (особенно отечественных) совсем не уважают. А моему «москвичу» уже за двадцать. Это и для машины, и для собаки – суперстарость.

В нашу семью «москвич» попал недавно. Года три назад папа (пешеход с тридцатилетним стажем) купил его по дешевке у хороших людей. Он им захламлял гараж. Как я впоследствии узнал, за машину папа рассчитался...

сотовым телефоном. Словом, покупка автомобиля обошлась намного дешевле, чем первая же порция запчастей на него.

Однако, несмотря ни на что, мне «москвич» очень нравится. Ну и что, что он 1987 года выпуска? Зато он в хорошем состоянии, на ходу. Пробег – 5 тысяч км (только в этом месяце). Цвет – бежевый.

Никому не нужен, кстати? Торгуем.

АВТОСТОП: КУРСК – СТАРЫЙ ОСКОЛ

Главное – двигаться в верном направлении. А на чем – это уже вопрос второстепенный.

Я возвращался из Курска на своих двоих. Опоздал и на последний рейс ав-

тобуса, и на такси. Все машины, обслуживающие Старооскольское направление, ушли. Морозец слегка пощипывал за щеки и поторапливал принимать какое-то решение. Дело шло к вечеру. Местный таксист согласился вывезти меня на окраину города к посту ГАИ за ту же сумму, которую я заплатил водителю, привезшему меня утром из Старого Оскола в центр Курска. Обратиться за помощью к доблестным автоинспекторам я постеснялся, и это горделивое стеснение мне дорого обошлось. Первые 20 км я ехал (а по большей части – шел) на трех видах транспорта. С пожилой семейной парой на «копейке» я добрался до бензоколонки. С участковым милиционером Володей на «бобике» преодолел расстояние от конца одного села до начала другого. На рейсовом автобусе подъехал 200 метров до первого поворота. На автостанции одного весьма протяженного населенного пункта я обнаружил, что упустил счастливый шанс подъехать до Губкина. Автобус туда ушел за пять минут до моего прихода. (Спрашивается, почему я не сел на него в Курске?).

В сговор с окрепшим морозом вступил легкий ветерок, грозящий в любую минуту превратиться в напористый ветер. И превратился-таки! К свисту ветра добавился лай собак. Не успел я и глазом моргнуть, как свора (морд этак в восемь) выскочила из подворотни и отрезала мне путь к отступлению. Агрессивный вожак воспринимал развешающиеся на ветру полы подрясника как личное оскорбление и норовил вцепиться мне в лодыжку. «Ну вот, как в дореволюционной семинарской прибаутке: „Паки и паки порвали попа собаки“», – отшучивался я от мрачных мыслей.

Не знаю, чем бы (и где бы) закончилась эта встреча, если бы я не вышел на середину проезжей части и не дал деру под прикрытием не замечающих меня автомобилей.

Когда я преодолел первый километр своего марафона, передо мной распахнулась кабина грузового «мерседеса», возвращавшегося из Курчатова в Старый Оскол.

Оказалось, что Андрей (так звали водителя) уже подвозил однажды куньевского батюшку. Но это был не я, а мой предшественник на приходе, отец

Роман. Что ж, значит, я двигаюсь в верном направлении.

А ЕЩЕ НА НЕЙ ЕЗДИТЬ МОЖНО!

Один опытный водитель всю свою сознательную жизнь довольствовался нашими автомобилями и вдруг оказался за рулем иномарки. Сравнив два подхода к машиностроению, он изрек: «У ихних машин ездить – основная функция, а у наших – дополнительная опция».

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ

Когда кружу по улицам города в поисках свободного места для парковки, невольно вспоминаются слова пророка Исаии: «... и наполнилась земля его конями, и нет числа колесницам его» (Ис 2:7).

ЖЕРТВЫ ДОРОГИ

У меня нет возможности подкрепить свое предположение данными статистики, но кажется, что священники довольно часто становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий. И это не зависит от того, на какой машине ехал пострадавший: отечественной или заграничной. Просто батюшки много времени проводят в дороге. А дорога требует, увы, не только финансовых жертв.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИСПРАВНОМ АВТОМОБИЛЕ

Старая бразильская (или мексиканская) мудрость гласит: богатые тоже плачут. В вольном переводе на русский это значит, что иномарки тоже ломаются.

Опять я спешил... На этот раз, чувствую, надолго. Мотор, ходовка, свечи, свет, и т.д., и т.п. Машина, как говорят, посыпалась. За четыре года беспощадной эксплуатации в ней уже многое «обрусело» или вовсе отмерло. Проехали мы с ней 160 тысяч км. Это почти в два раза больше, чем прошлые хозяева накатали за одиннадцать лет.

Я уже, по-моему, давал совет не покупать автомобилей у таксистов и священников. Если нет, то даю.

Ну да ладно. В кои-то веки появилась возможность завершить заметки, которые я начал четыре с лишним года назад, оказавшись за рулем. За это время я стал (по совместительству) настоятелем второго храма, который от первого находится на расстоянии 26 км. К четырем населенным пунктам куньевского прихода добавилось десять деревень и хуторов среднеапоченского прихода. Автобусного сообщения между ними нет.

Требует частых передвижений и епархиальное послушание – работа в Историко-архивной комиссии. Основные архивы находятся в Курске и Белгороде. Попасть туда из Куньего общественным транспортом – отдельная история.

А собрать по селу желающих быть в храме, но не могущих дойти? Или развезти тех, кто все-таки дошел, побыв на службе, а вернуться домой не в силах?

Была моя машина и «скорой помощью», и цементовозом, и рабочим автобусом, и такси, и чем она только не была!

Апостол Павел, призывавший подражать ему, как он Христу, был для всех всем, чтобы спасти хотя бы некоторых. Так и каждый батюшка вынужден на приходе расширять свои умения и навыки. Кто-то из священников, может быть, и хотел быть пешеходом, но не может позволить себе такую роскошь.

Село Кунье – село Средние Апочки,
октябрь 2007 – январь 2012

СКРЕПЫ

*Жизнь – трудное дело.
И она становится невыносимо трудна, когда из нее изгоняется Бог.*

*Архимандрит
Иоанн (Крестьянкин)*

Религия – неотъемлемая часть бытия

Собеседница «Лампады» – *Маргарита Васильевна Шилкина, декан факультета религиоведения Свято-Филаретовского православно-христианского института,*

– В сознании современного человека религия перестала восприниматься как нечто таинственное. Ее обсуждают как фактор политических конфликтов и социальной стабильности, о ней говорят в телевизионных ток-шоу и поминают во врачебной практике, религия сделалась предметом научной дискуссии и областью светского образования. В вузах России сложилась определенная практика преподавания: как правило, отстраненность от живого религиозного опыта, нейтралитет в отношении самих жизненных вопросов религиозного свойства провозглашается ее основополагающим принципом.

– **Вероятно, сказывается глобальное давление постмодернизма на общество в целом?**

– Увы, да. Наше видение, напротив, состоит в том, что религиозность – это неотъемлемое свойство природы человека, непосредственно выражающее его тяготение к высшему измерению бытия. Вера в Бога есть основополагающее, абсолютное и священное начало, которое определяет направление, ход и верховную ценность жизни каждого человека.

– **И именно этот постулат вы переводите в плоскость практического обучения?**

– Естественно. Наша методология учит различать живой духовный опыт человека и феномен массовой бытовой религиозности. Мы говорим о религии как о живом отклике на вопросы, звучащие для человека из мира священного и вечного, о причинах существования различных видов религиозного опыта, об их конфликтности и возможной солидарности, о религиозности темной и светлой, о том, может ли являться истина в религии или же все это только исторические и культурные особенности прошлых эпох. Без возрождения сегодня серьезной религиоведческой культуры человеку трудно найти путь к реальному религиозному опыту, задаться глубинными вопросами поиска смысла своей жизни, поиска смысла происходящего вокруг. Отмечу особо: это важно не только для специалистов-религиоведов, но и для историков, филологов, философов, учителей, преподающих и Основы православной культуры, и любой другой гуманитарный предмет, для работников туристических агентств или музеев. Не менее, а может быть, более важно это и для тех, кто хочет стать миссионерами и катехизаторами.

– **Иными словами, это необходимо всем.**

– Поэтому мы и выбрали для нашего факультета форму *дополнительного* образования. Наша задача – за два года дать взрослым людям с высшим образованием целостное представление о мировом религиозном опыте человечества, показать его многообразие. Обо всех религиях мы говорим довольно подробно, начиная с древних и заканчивая новыми религиозными движениями. Еще один блок дисциплин посвящен отношению религии с другими сферами жизни общества: этикой, эстетикой, политикой, правом, психиатрией, с деятельностью СМИ. Много места отведено диалогу религий, поиску общих смыслов и ценностей, что позволяет собирать народ, а не разделять его по конфессиональному признаку.

– **А если, допустим, человек вообще вне веры? Это не ваш абитуриент?**

– Человека без религиозного опыта просто не существует. Другое дело – он может этого не осознавать. Но поскольку любой, хочет он того или нет, – существо духовное, то у него есть опыт красоты, есть опыт поиска смысла жизни, опыт общения. Религиоведение позволяет говорить с неверующими людьми, с людьми разных религиозных убеждений о религии как таковой.

кандидат философских наук, магистр богословия. А повод – объявленный набор на программы дополнительного профессионального образования по религиоведению на предстоящий 2012/13 учебный год.

– **Дополнительное образование – это не единственное направление вашей работы...**

– В 2011 году на факультете открылась *магистратура*. Это позволило нам коснуться более глубоких пластов знаний, специализироваться на проблеме религиозной эстетики и на проблеме взаимосвязи религии и культуры. Это помогло и повысить уровень абитуриентов, потому что магистратура рассчитана, прежде всего, на бакалавров – выпускников богословских, религиоведческих и гуманитарных факультетов.

– **Вы существуете уже семь лет. Можно делать какие-то выводы?**

– Главное, что мы поняли, – такая форма обучения действительно очень нужна. Каждый год мы слышим от выпускников, что факультет позволил им повысить общий уровень культуры, лучше понимать классическое искусство, классическую литературу, ибо все они основаны на религиозных поисках, помог разрешить многие собственные внутренние вопросы. Выпускники факультета выходят с уважением к Православной Церкви, которая может говорить с людьми на языке высокой науки, высокой культуры, может предложить вот такое образование. Это и есть наш самый главный плод.

– **Вы почти убедили поступить к вам.**

– Нужно подать документы в период с 1 мая по 20 августа, пройти вступительный тест и собеседование с деканом факультета, то есть со мной. Лично с вами мы, можно сказать, уже побеседовали. Семестр начинается 1 сентября 2012 года. Возможно *вечернее* и *заочное дистантное образование*. Слушатели заочного отделения могут прослушивать аудиолекции в личном кабинете на сайте института. Выпускники получают *диплом о переквалификации по религиоведению*. Те, кто готов прослушать не всю программу, а только отдельные предметы, сдав экзамены, получают *свидетельство о повышении квалификации по религиоведению*. Так что приобретайтесь, звоните, приходите.

Раб. тел. (495) – 917-05-01; (495) – 623-03-80

E-mail: relfak@sfi.ru

Сайт института: www.sfi.ru

Адрес: Москва, ул. Покровка, 29, оф. 38

Лицензия Отдела религиозного образования и катехизации МП № 09-5635-5 от 21 января 2009 г. Свидетельство о государственной аккредитации серия АА № 002033 от 25 мая 2009 г. Лицензия ААА № 002140 Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 24.10.2011.

Людмила Бутузова

Эх, обувочка ядрена!

Культуру в массы тульский гармонист доставляет на электричке

ИСЦЕЛЕНИЕ ГАРМОШКОЙ

В вагоне – аншлаг. Пассажиры толкаются, громоздят сумки друг другу на голову и при этом некультурно матерятся. Хорошо, что Виктору, зажатому в тамбуре, как-то удалось развернуть гармонь. От неожиданности граждане заслушались, а потом и общаться стали, как нормальные люди. На разные культурные темы.

– У нас в Ревакине бабка помирала, уже и за батюшкой послали, – рассказывала былинку подобревшая к попутчикам тетка. – Да где его взять-то? Вместо попа привезли знакомого гармониста. Он пять дней наяривал отходную. На шестой бабка ожила, чуть не до плясок. Вот и поверишь, что гармонь даже мертвого поднимет. Родня, правда, горюет: зря попа не позвали.

Дослушать историю про чудесное исцеление не удалось. Нам выходить. В селе Ипатово Виктора Еремина заждался коллектив старушек-веселушек. Помирать они не собираются, наоборот. Наняли себе гармониста, чтобы жизнь стала еще веселей.

ПОПЛЯШИ – ПОМОЛОДЕЕШЬ «Веселушки» уже распевались, пуская пар во все стороны. В разоренном клубе холодрыга, дверей нет,

в костях, успокоили, что ничего плохого, кроме хорошего, от плясок не бывает. Уже проверено: с полчаса попляшешь – десять лет как рукой сняло. Неумная бабушка била дробь гораздо дольше и прямо на глазах из восьмидесятилетней пенсионерки превращалась в молодуху под пятьдесят. Подруги с возмущением перелгдывались.

– Зачем без дела подметки рвать, – объяснила общее недовольство баба Надя. – Лапти одни на весь коллектив. Она истопчет, а другим на сцену выйти не в чем.

В здешних краях лапти действительно большой дефицит аж со времен Екатерины Второй. По преданию, императрице, проезжавшей мимо Ясногорска, который тогда назывался деревней Лаптево, жители решили преподнести образец своего традиционного промысла. Но в последний момент из подхалимажа вместо лыковых вручили серебряные лапти. Екатерина обрадовалась, что ее подданные такие богатые, и повелела впредь всей округе обуваться не в лыко, а в серебро.

Однако на обувку из драгметалла ясногорский народишко до сих пор

Всю неделю Виктор Еремин улаживает слух соседней частушками под гармонь, а по пятницам на вечерней электричке возит народную культуру в село. Корреспондент «Лампады», вооружившись фотоаппаратом, напросилась в помощницы.

На наших снимках: Виктор Еремин и его агитбригада. Культура в массы в любое время года.

окна выбиты. Артистки – в фуфайках, но пообещали шегольнуть нарядами, когда надышат.

Шустрая старушка Вера Игнатьевна, не дожидаясь потепления, переобулась в лапти и давай прибывать пыль перед гармонистом. Виктор в ответ рванул меха и заголосил на всю округу:

*Ставь, Матрена, лапти круче,
Покажи свои онучи,
Пусть пример с тебя берет
Ясногорский наш народ.*

Солистка еще пуще разошлась. Я аж испугалась, как бы чего не вышло. Товарки, прикованные к лавкам внезапным прострелом либо ломотой

не заработал, а лыко драть и лапти плести разучился. Умеет это дело один престарелый мастер, да и то в соседней губернии. Но, к огорчению заказчиков, плетет так медленно, что к моменту изготовления второго лаптя первый уже изнашивается до дыр.

Местному ансамблю лапти достались от Еремина «по благу». Поэтому баба Варя, не стерпев более, что раздухарившаяся Вера Игнатьевна *просто так* треплет их по полу, прочистила голос и усовестила подругу:

*Эх, обувочка ядрена
И удобна для ноги,
Меньше дергайся, Матрена,
Больше лапти береги.*

Прима тут же переобулась в боты «прощай молодость», и божьи одуванчики еще пару часов давали трепака до полного изнеможения гармониста.

– Звезды! – с чувством сказал Еремин. – Когда они на сцене – попса отдыхает.

ЛЮБОВЬ И ОПЕРА

Виктору Еремину крепко за семьдесят. На старика не похож – подтянутый, спортивный, прилично одетый, правда, по моде середины прошлого века. Категорически протестует, когда его величают по отчеству. По профессии – заводской наладчик, работал на *оборонке*, которая в годы реформ развалилась.

– Если бы не гармошка, я бы этого не пережил, – рассказывает он. – А так придешь, попиликаешь, и на душе полегче.

Таким же способом Виктор спасался и от несчастной любви. Правда, соседи говорят, что жена потому и сбежала, что не выдержала его *пшиканья*. По словам Еремина, это не так, просто женщина тянулась к высокому искусству типа оперы и не уважала его увлечения частушками. Новую жену он нашел на сцене сельского дома

культуры. Пела «как София Ротару», причем без музыки. Он подыграл, так и сошлись. Живут душа в душу уже двадцать лет. Нина оперой не грезит, не была там ни разу, зато уважает народное искусство.

– А я как-то в Москве в оперу зашел, – признается Виктор. – Ну и что? Зал полупустой. У нас на концертах такого нет, опоздавшие даже на пианино сидят.

Свою квартиру Еремин называет *творческой мастерской*. Приезжает сюда, когда надо настроить инструмент и сочинить в тишине пару десятков новых частушек. Живет в основном либо у Нины, либо в деревне, где у него домик. Но дело не в домике, а в том, что рядом – церковь. По воскресеньям Виктор поет в церковном хоре, а после – беседует с батюшкой на разные человеческие темы. Ну, например, не суета ли это – его частушки? Ведь не всегда они благонравные, бывают и про политику, и, что называется, «с перцем». Может, бросить? Сосредоточиться на собственной душе, молиться почаще? Батюшка ему отвечает: а люди как же? Ты добро несешь, злость-скуку гонишь, а это богоугодное дело.

Таланты по окрестным деревням Еремин выискивает очень просто.

– Приеду с гармошкой, вдарю пару частушек, и уже бегут со всех сторон. А если час-два играешь и никто не идет, значит, все – деревня деградировала, кроме дачников, никого нет.

БИЧ В РУКЕ

Сколько у него частушек? Улыбается: на Книгу рекордов Гиннеса хватит. Но печатается, в основном, только в районных газетах.

– Им и давать неохота, – обижается Еремин. – Всего бояться: ой, это слишком остро – глава района обидится, ой, про политику не надо, ой, реформы не трогайте. Тьфу ты! Не понимают: частушка и есть оружие против всевозможных недостатков. Бич в руке народа.

Достал гармонь, чтобы показать корреспондентке силу оружия, и ударил мехами по намозолившей глаза цели:

*Сыть, гармошка, звонкий бисер,
Бабка топает в кругу:
Я смотреть на телевизор
Без рекламы не могу.*

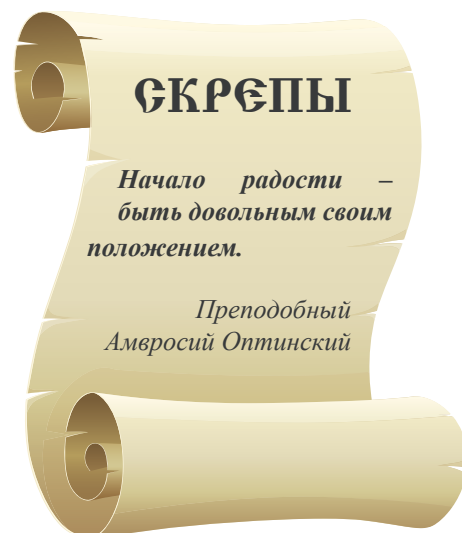
Сказала Еремину, что после такой обличающей сатиры правительство просто обязано прикрыть ненавистную рекламу на всех телеканалах. Он обрадовался и за полчаса отчастушил другие *язвы жизни* – от автопробок до инфляции. Правда, без надежды, что их тоже прикроют.

– Вот если бы по телевизору жахнуть, – мечтает он, – тогда бы власть прислушалась.

Однажды мечта сбылась, Еремина с *веселушками* пригласили сниматься в передаче «Большая стирка».

– Мы с артистками договорились: всех, кого надо, пропесочим. Подъем в коллективе колоссальный. Дали отмашку. Бабки вылетают – кто со свистом, кто с бубном. Я – в лаптях, с гармонью наперевес. Стоп. У них звука нет. Повторить. И так до пяти раз.

Ничего, спели. Из десяти частушек две попали в эфир.

Наша страна в годы перестройки... У всех, кто неравнодушен к ее судьбе, на слуху имена: Юрий Карякин, Игорь Клямкин, Отто Лацис, Юрий Черниченко... Ярким цветом и острыми шипами их раскрепощенная публицистика не дает успокаиваться, будоражит совесть. Среди тех, кого без преувеличения можно было тогда назвать властителями дум, и Григорий Померанц. К тому времени он уже прошел путь вполне приличного человека – отсидел пять лет в лагере за ан-

тисоветскую деятельность. Но гулаговская пятилетка оказалась для него не только политическим университетом.

«Что я узнал? – поведал он корреспонденту «Новой газеты» Елене Рачевой. – Что способен на очень большую любовь – ту, которую женщина редко когда встретит. Это понимание возникло в лагере и подготовило следующее большое чувство, которое пришло ко мне после реабилитации в 1956 году».

Монахиня Софрония (Алексеева)

Неисчерпаемость любви

Тайна сия велика есть... (Еф. 5:32) – так сказано апостолом Павлом о любви, о браке. И, быть может, одним из проявлений сокровенной и бездонной тайны любви становится особое тепло, изливаемое на других людей от двух любящих сердец, подчас даже независимо от них самих. Тепло это, *глубинный, тайный жар, непостижимое горенье, уголек неугасимый*, тем сильнее и тем ощутимее, чем более суровую проверку временем и жизненными трудностями выдержала любовь супругов. После же всех испытаний над огнем их любви уже не властны ни годы, ни болезни, ни социальные потрясения, а *все потери, все утраты* становятся *обретением себя*.

*Мы два глубоких старика.
В моей руке – твоя рука.
Твои глаза в моих глазах,
И так невозмутимо тих,
Так нескончаемо глубок
Безостановочный поток
Той нежности, что*

больше нас,

*Но льется мир из наших глаз,
Той нежности, что так полна,
Что все пройдет, но не она.*

Зинаида Миркина и Григорий Померанц прожили вместе полвека и так смогли сберечь и возрастить любовь, что она стала не только их радостью, но и свидетельством любви в нашем современном мире, где больше разделения, чем единства.

Они встретились в 1960 году уже духовно сложившимися людьми, Миркиной было 34 года, Померанцу – 42.

Фото Евгения Альтшуллера

Зинаида Александровна родилась в атеистической семье, где царил вера в идеалы революции. Однако в 1937 году, когда мама попросила дочь приводить к ним в дом детей арестованных родителей и быть к ним особенно внимательной, у Зины особенно ярко стало проявляться сострадание к людям. С 14 лет девочка уже задумалась о несоответствии большевистской идеологии и жизни, о мучительных «проклятых вопросах», которые во все века волновали человечество. «Но я поня-

тия не имела, что они мучили многих и многих на протяжении веков. Я была одна, наедине с неведомым, с мучительной тайной бытия. Книги, хлынувшие потоком, только подводили к этой тайне...» – пишет Миркина в очерке своей жизни. Атеизм «оказался куц», душа искала выхода из него. Внешне Зинаида казалась одной из самых веселых девушек на курсе, но душа была полна интенсивнейшей духовной работы и страдания. «Я была тогда очень далека от христианских книг, не знала никаких фраз вроде «я хуже всех», «я перед всеми виновата», но я именно так чувствовала. Плодотворным и важным мне казалась только спрос с себя. Потом я поняла, что я как бы протирала душу, как бумагу ластиком, и дотерла до дырки. Душа стала сквозной, и в нее хлынуло то, что вечно рядом, но так редко проникает внутрь нас. Плотная стена нашего эго обычно не пускает. В какой-то день эта стена вдруг рухнула. Это был совершенно особый день. День кульминации боли. Казалось,

еще немного и – сердце не выдержит. Это было на даче. Была гроза. А потом взошло солнце, и ель, которая стоит перед балконом, – вся в каплях, в тысячах крупных дождевых капель – вдруг вспыхнула тысячью солнц. Это было что-то непередаваемое. Потрясение. Душевный переворот. Когда несколько лет спустя я увидела икону Феофана Грека «Преображение», я почувствовала в опрокинутых, потерявших все прежние ориентиры апостолах – то самое, пережитое мной, состояние. Свет,

небывалый, – сверхъестества – как будто проколол сердце насквозь и не убил, а пересоздал его. Прежде всего появилась уверенность, вне всякой логики, что Творец этой красоты – совершенен. Это сердцу открылось. А затем произошло нечто, что не передашь прямым словом, потому что слова нашего языка однолинейны, а то, что я увидела, была многомерность. И хотя физические мои глаза не видели НИЧЕГО, кроме ослепительной красоты, внутренние мои глаза увидели Бога. И другим словом я этого не передам. Я увидела то, чего представить себе не могла, ибо этого не знала раньше душа. Новый облик, новый взгляд, новый строй чувств. Я почувствовала взгляд на себе, в котором были бесконечная любовь и покой в одно и то же время. Именно это скрепление любви и покоя было потрясающим... И в этом взгляде, в этом новом внутреннем строе был ответ на все мои вопросы и на всю боль. Смысл мой не в том, чтобы удовлетворять мои желания, а в том, чтобы преображать их, – в той самой высоте, которую может достичь моя душа и всякая человеческая душа. На этой высоте рождается внутренний свет и всеобнимающая любовь...

Но сколько бы я ни говорила, все равно главное остается за словами. Меня точно подняли на великую гору и показали сразу всецелость. Мир был страшным и бессмысленным, когда виделся дробно, по частям. Ни в какой отдельной части нет смысла. Он – в тайне всецелости. Это было мое второе рождение. Мне было 19 лет».

Огромное духовное напряжение, военные годы, голод – все это сказало на юной Зинаиде; она тяжело заболела и пять лет была прикована к постели. Девушка испытывала невероятные муки и мечтала о смерти как избавлении от них. Но в то же время она чувствовала, что душа должна «смочь вынести» этот крест. Можно представить, с каким трудом и страданиями Зинаида Александровна смогла, по ее выражению, «поднырнуть под болезнь», выйти в просторы Духа, в глубину сердца, где царят иные законы. Это самый трудный путь для каждого из нас – путь в свое сердце, где только и возможна истинная встреча с Богом.

*Чем тише звук, тем ужже, ужже
И тем вернее в сердце вход;
И вот внезапно обнаружен*

*Предел, в котором Бог живет.
Здесь отзвучало, отиумело
Все, что бурлить могло в крови.
Предел? Да нет – предел предела,
Неисчерпаемость любви.*

К моменту встречи с Зинаидой Миркиной за плечами Григория Померанца была война, ранение, сталинские лагеря, недавняя смерть горячо любимой первой жены, с которой они прожили три года. По свидетельству Григория Соломоновича, это было самое страшное время в его жизни. Неожиданная смерть Ирины Муравьевой в разгаре их любви не давала возможности «принять Бога, управляющего всем так, что даже волос не может упасть с головы без Его воли». И в это время, как опять же вспоминает Померанц, он испытал второе сильнейшее духовное потрясение (первое – во время бомбежки на войне). Григорий не просто услышал, но именно воспринял своим духовным слухом стихотворение Зинаиды Миркиной «Бог кричал» – стихотворение, буквально сразу примирившее его с Богом. «Бог в этих стихах страдает вместе со всеми, кто страдает, с каждой страдающей тварью. В стихотворении не было никакого объяснения, почему Бог не может без страдания участвовать в этом мире: это было просто принято как факт. Бог предстал как соучастник моего страдания, а я как соучастник Его вечности и Его творческой силы».

Стихотворение это, можно сказать, открыло доступ к религии. Померанц не считает себя принадлежащим формально ни к одной из конфессий, однако с уважением принимает все великие религии мира, полагая, что Бог выше и глубже наших слов и разногласий.

«Как человек, живущий в России, – говорит Померанц, – где культура связана с православием, я пытался вникнуть в него, я чувствую его родственной религией, религией моего дома».

С самого своего зарождения любовь Григория Померанца и Зинаиды Миркиной была пред лицом Божиим, была пронизана духом творчества. Началась работа любви, счастье единства, вслушивание друг в друга и благодарность.

*Нас было двое. Рядом ель качалась,
И время шло не мимо, а насквозь.
Пространство расширялось, расширялось
И тихо с Бесконечностью слилось.
И сердце вдруг почувствовало с дрожью,
Что прямо здесь, не в сказочной дали,
Находится родное Царство Божье
И мы в него нечаянно вошли.
Ты головы коснулся головою,
Рука моя – у сердца твоего.
Качалась ель. Нас было только двое.
И бесконечность. Больше ничего.*

«Многим я обязан Зинаиде Александровне, – говорит Григорий Соломонович, – потому что она в духовном отношении намного превосходит меня. Вообще духовная жизнь требует радостного признания превосходства в другом и никакого желания бороться за первенство».

Удивительна женская мудрость Зинаиды Миркиной: она не пыталась встать на место умершей жены, вытеснить о ней память, а видела свою собственную, новую роль в жизни мужа. «Физически я бы вряд ли выжила, если бы не Гриша, – говорит Зинаида Миркина, – со мной с той поры постоянно рядом был человек, деливший мою душу

ОБ АВТОРЕ

Окончив филологический факультет Ивановского государственного университета, 12 лет проработала учителем русского языка и литературы. В 1998 году приняла монашеский постриг. Мирская профессия получила продолжение в некоторых послушаниях: помощь в воспитании и обучении детей прихожан храма и ведение рубрики «Рифма, обращенная к Богу» в православной газете Ивановской епархии «Дорога к храму». Много времени уделяет семье одного многодетного батюшки.

со всей ее радостью и тяжестью. Человек, которому никогда меня не было слишком много. Я была всегда нужна, и не какой-то кусочек души, я – вся».

Союз Зинаиды Александровны и Григория Соломоновича оказался и творчески очень плодотворным. Изданы сборники стихов, сказок, эссе. В течение 20 лет они работали над книгой «Великие религии мира», выдержавшей два издания и принятой в некоторых вузах страны в качестве учебного пособия. Супруги ведут религиозно-философский семинар. Сейчас Григорию Померанцу 93 года, Зинаиде Миркиной – 85. Но физический возраст не состарил их души, потому вокруг них так много людей разных национальностей, вероисповедания, возраста. Много молодежи, задающей вопросы о смысле жизни и обсуждающей проблемы современности на семинарах и на интернет-сайте.

Обычно мы думаем о старости как о бедствии, а ведь она может быть прекрасна... Григорий Соломонович утверждает, что сейчас он счастливее, чем в юности, при том что он всегда обладал даром быть счастливым, даже в сталинском лагере. А Зинаида Александровна?

*Как долго длится старость... Сколько лет,
Как я сама зову себя старухой.
Но все еще не привыкает ухо
К тому, что так зовет меня сосед.
Как долго длится старость... Но она
Прекрасна, точно древняя сосна.
И, может, тем прекрасней, чем древнее.
И вечность, перешептываясь с нею,
Поит ее таинственным вином,
Настоянным на запахе лесном.
Как долго длится старость... Но любовь
Ни старости, ни юности не знает.
Она вот так, как благодать лесная,
С мгновеньем каждому возрождаясь вновь,
Неисчерпаема. И только в этом
Разгадка нескончаемого света,
Сквозящего из старости моей,
Как луч из темной гуцины ветвей.*

В сборнике «Проникновение света», посвященном мужу, Зинаида Миркина пишет, что благословляет каждый час, проведенный вместе с ним. Ее поэзия – уникальное явление и в русской, и, наверное, в мировой литературе. Это нескончаемый и, пожалуй, можно сказать, ежесекундный разговор с Богом.

Дорога общая, но походка у каждого своя

*Я глина мертвая, а Ты – Творец.
Но жар руки Твоей, Твое дыхание,
Твой внутри меня воззвизшийся резец
Я чувствую, как смерти иссяканье.
Всей тяжести земной наперерез –
Вторжение духоподъемной силы.
Лишь тот поверит, что Христос*

воскрес,

*Кого касался Дух тысячекрылый,
Сметающий все мертвые слова
Одним ударом житнетворной воли.
Жизнь – это боль рожденья божества
И ликованье вынесенной боли.*

Стихи Миркиной рождены в глубине духа, поэтому и проникают они в глубину сердца читателя. Кажется, что разговор с Богом уже начат, а ты случайно оказался при нем. Нужно немного помолчать, прислушаться, а затем самому включиться в беседу, в молитву.

Об особом воздействии стихов Зинаиды Александровны говорят многие. В своей рифме она доносит полностью блаженной, благодатной тишины. Образ тишины – сквозной, несмолкаемый.

*Есть тишина, которая сама
В нас действует. И ничего не надо
Нам, кроме слуха чуткого и взгляда.
Лишь только умаление ума
И разрастанье сердца. Мир впервые
Рождается и входит в грудь одну.*

*У ног Христа сидела так Мария,
Чтоб слушать не слова, а тишину.
Ах, Марфа, Марфа! Погоди немного.
Накормит Бог, и ты накормишь Бога.*

В одном из эссе Григорий Померанец рассказывает о старой яблоне, казавшейся мертвой. «В эту весну силы, скованные непогодой, вдруг рванулись и в какие-нибудь четыре дня проделали работу нескольких недель. Старая яблоня, почувствовав дуновение чуда, вдруг зацвела, зацвела всей живой половиной кроны, раскинувшейся метров на десять. Ливень розового цвета, постепенно белея, облил этот полукруг. Сидя на балконе, я наткнулся взглядом на мертвые ветки и подумал, что надо их спилить, не разрешить им нарушать праздник. Но вдруг родилась метафора: праздник весны, пробившейся сквозь смерть, напомнил мне нас с Зиной: над засыхавшей плотью вдруг раскрылся ореол живого духа.

Я стал вспоминать рассказ, как эту воскресшую яблоню сажали, вместе с тринадцатю другими, двадцатилетняя Зина со своим отцом (ему тогда было 43). Но с 1946 г. по нынешний 2010-й тринадцать деревьев засохло. Отец, еще в прошлом веке, умер, и нам скоро уходить, а яблоня живет, и мы живем. Жизнь до сих пор побеждает в нас смерть и зацветает, как старая яблоня. И неколебимо стоит на заднем плане великая ель, почти не изменившаяся с 1945-го, с того самого мига, когда капельки, оставшиеся после дождя, вдруг засверкали мириадами огней, и внешнее озарение родило озарение внутреннее, в сердце Зины, светящее ей до сих пор... И я при первой встрече, в 1960-м, т.е. 50 лет тому назад, почувствовал этот внутренний свет».

«Этот внутренний свет» озаряет и душу читателя, дает возможность духу торжествовать над немощью плоти, а душе – «силы на вечный полет».

*Кто сможет увидеть у Духа границу?
Кто дно обнаружит в глубинах сердец?
Кто сможет в бескрайность небес*

погрузиться

*И там, в бесконечном, нащупать конец?
В высокое небо на крыльях взмывая,
Душа, словно птица, поет и поет:
Конца не бывает! Конца не бывает!
Дай, Господи, силы на вечный полет!*

Дмитрий Шеваров

О письмах Виктора Астафьева, и не только о них На смену безответным вопросам пришли безвопросные ответы?

Виктор Петрович Астафьев – писатель совершенно отдельный в русской литературе. Ощущение, что вокруг него – какое-то минное поле. Относиться к нему теплохладно невозможно. Не только читателям и критикам, не только близким его – ему самому с собой было трудно. Он был то распахнут и исповедален, то замкнут и скрытен. То запальчив и резок, а то нежен и стыдлив. Астафьева или очень любят, или категорически не принимают.

Но и для тех, кто его любит, он остается загадкой, и не верится, что это один и тот же человек написал «Последний поклон» и «Прокляты и убиты». Это две его вершинных вещи, но это две совсем разных вершины. Чтобы подняться на вторую, надо было сначала спуститься с первой и только потом опять лезть вверх.

Такого сложного художника и неумного труженика, пахаря в русской литературе не было со времен Достоевского и Толстого. Я помню, каким он выходил из-за письменного стола – рубаха на спине была мокрая.

К своей первой книге он прорывался, как через линию фронта. Его ровесники уже блистали в литературе, а он еще только мечтал поступить на Литературные курсы в Москве, зарабатывал на хлеб в областной газете, мотался по командировкам. В одной из них, где-то в дальнем леспромпхозе на берегу реки Чусовой, он узнал наконец-то о выходе своей первой книги. Как поступил бы благоразумный человек? Закончил дела да поспешил на автобус или поезд, согреваясь доброй вестью. А что делает Астафьев? В горячке нетерпения – скорее, скорее взять в руки долгожданную книгу! – он бросается к реке, связывает несколько бревен в плот и по Чусовой сплавляется в сторону Перми. В пути его то и дело обдаст ледяной водой, и до дома он добирается простуженный, голодный, исхудавший, но – счастливый!

Сирота, детдомовец, солдат-окопник, он был наделен небесным даром слова. Но об этом мог бы никто и не узнать, не соверши он над собой огромный труд самовоспитания, са-

мообразования и самопознания. Свидетельством этого труда остались его письма (дневников он не вел, словно не желая ничем угождать себе).

Когда в 2001 году Виктор Петрович умер, наш общий друг, выдающийся русский издатель Геннадий Константинович Сапронов (увы, его тоже нет в живых) решил собрать все письма Астафьева в одной книге. В 2009 году вышла такая книга под названием «Нет мне ответа. Эпистолярный дневник. 1952–2001». Книга эта потрясает энергией любви и мощью поиска, высотой мысли и теплом фронтowego товарищества.

Письма друзьям, жене, читателям... И почти в каждом письме – тревожные вопросы бытия. Сегодня очевидно, что советское время только внешне было эпохой восклицательных знаков, временем пафосным и плоским. Не только в интеллигентской среде, а в самой глубине народной – это была эпоха вопросительных знаков. И не по поводу колбасы, а о смысле жизни, о прошлом и будущем страны, о назначении России в мире, о том, что такое истинное счастье и в чем оно...

Это сейчас, читая пространные (часто многостраничные – таких давно не пишут!) письма Астафьева, может показаться, что вот случись в свое время оказаться рядом с ним доброму пастырю – как бы толково он ответил на мучившие писателя вопросы! И как прояснились бы сразу перед великим художником духовные горизонты!

Но не случилось. Я думаю, окажись сегодня Виктор Петрович в церковной ограде, вопросов у него было бы еще больше и были бы они еще сложнее.

Кстати, мне видится, что нашей Церкви сейчас остро не хватает именно таких людей – вопрошающих, тревожащих, неудобных. К счастью, еще не все стали фарисеями, но почти все, во всяком случае в больших городах, уже стали книжниками. Все мы избалованы рубриками «Вопросы священнику», «Отвечает батюшка»... Кликни мышкой – и тебе все разложат по полочкам. Ни тебе бессонных ночей, ни переживаний, ни смятения, ни отчаяния.

И кажется: ну, что еще душе нужно – плыви себе мирно по житейскому морю, и распечатанная на принтере лоцманская карта приведет тебя к благодатному берегу. Но мира-то как раз и нет в душе, тревожится она и смущается. И чего она смущается, и чего просит – кто ответит?

А может, она и не ответов просит, что и так сыплется со всех сторон, а – вопросов? Ведь когда душа не вопрошает, для нее и ответы самых мудрых старцев – все тот же информационный шум. А может, нашим душам не хватает детского лепета *собственных* недоумений и горечи *собственного* поиска – поиска не в Сети, а в жизни?

Не знаю, не знаю...

«А вам оставляю свою любовь...» Из писем Виктора Астафьева

1956 г. Адресат не установлен

Иван, если ты хочешь мне сделать приятное в день рождения, пришли, пожалуйста, в конверте подснежник. Ну, тот самый, с кремовыми мягкими лепестками в форме чашечки. У нас здесь такие не растут, а только беленькие, мелкие как пуговицы. Вообще нет ничего краше сибирских цветов...

5 июля 1959 г. П.В. Чацкому

<...> Пишу я девятый год. До этого <...> работал литейщиком, грузчиком, плотником, чистил помойки, выгружал вагоны, работал на силаве. А до войны жил в детдоме, потом закончил школу ФЗО и трудился составителем поездов возле Красноярск. В 42-м ушел добровольцем в армию. Там мне кое-что подбили, в том числе и глаз. Составителем я уже не мог работать. Образование шесть классов, здоровье подорвано – вот я и мотался. А в 1951 году неожиданно для себя и для всех написал рассказ.

<...> Сам я рыбак и ярый охотник. Много брожу. Леса здешние и округу знаю отлично. Все реки проплыл и обходил. Красота на них не поддается описанию. Так что я богатый человек. Темы и замыслы одолевают меня постоянно.

Никак не могу выбраться на ровную линию, чтобы работать над одной, двумя вещами. Вечно в работе ворох рукописей. Теперь Вам станет понятно, отчего меня не тянет часто в столицу. Иногда разве встряхнуться и сплетен послушать – это тоже время от времени нужно, дабы нюх обострялся и скушное житишко взвеселялось.

<...> Знаю, почерк у меня ужасный и Вам придется помучиться, но жена утащила на рынок и перепечатывать письмо некому. Сам я не печатаю. Уж не обессудьте, если что и неладно сказал. Я стараюсь быть со всеми откровенным. Попадает мне за это, да ничего, терплю.

24 февраля 1966 г.

А.М. Борщаговскому

Очень я долго тут ездил и оттого сразу не ответил на Ваше письмо. Ездил на южный Урал к фронтовому другу, которого не видел 22 года и который отыскал меня, потому что в свое время помог я ему раненому выбрести из-под огня и добраться до медсанбата. Люди нашего поколения умели и умеют, слава тебе

Господи, ценить добро и хранить его в памяти, вот и не забывал моего участия дружок, как и я не забываю тех, кто меня потом тоже доставил в санбат и перевывал на передовой.

<...> Словом, пожил я у друга и увез еще более растревоженную душу и радостное сознание того, что я не осквернил, или почти не осквернил, сочинительством память свою о войне. И если что о ней писать, то только так, как было. Покрывать морализованием и романтикой войну, как это хотелось бы кой-кому, – преступление перед мертвыми и живыми друзьями, перед теми особенно, кого приучить хотят к мысли, что война это не так уж плохо: можно песни петь, возвыситься, сделаться героем и любимая тебя оценит по достоинству. Блажь это литературная.

13 января 1967 г. А.Н. Макарову

...Много всего происходило в душе, когда читал я статью Вашу, но все время устойчиво было одно стыдное ощущение: какой я дикий и неграмотный человек, хотя и работаю после таких вот писателей как Чехов...

Нашелся командир дивизии, в которой я воевал. Живет в Москве, затребывает к себе (приглашает!) побеседовать о нас и просмотреть те материалы, которые у него собрались о пути и действиях нашей дивизии. Любопытно будет. Я этого генерала видел всего два раза издаля и оба раза со страху чуть в штаны не напустил, а тут запросто приду и скажу: «Здорово, Сергей Сергеевич! Как живешь? Каку пенсию получаешь? И вообще, веруешь ли в Бога?..» Ничего, да?!

Конец мая – начало июня 1967 г.

Ессентуки. Жене

<...> Страшно, когда лишаешься надежды. Ты можешь сказать, что одного испорченного, изуродованного рассказа, пусть и дорогого сердцу, очень мало для таких пессимистических настроений. Но я слишком пристально слежу за тем, что происходит в нашей литературе, слишком сторожко жду изменений к лучшему. <...> Нас ждет великое банкротство, и мы бессильны ему противостоять. Даже единственную возможность – талант – и то нам не дают реализовать и употребить на пользу людям. Нас засупонивают все туже и туже. Мысль начинает работать вяло, покоряться. А чтобы творить, нуж-

но быть бунтарем. <...> И жаль, что это ремесло невозможно бросить.

Ей-богу, будь у меня побольше сил – бросил бы. В лес ушел бы и прожил остаток дней в радость себе. Неужели ж я не заслужил такой почести: жить хоть десяток лет для себя?! Неужели постоянно должен мучиться своими и чужими муками, никому ничего не дающими, кроме новых мук?!

1973 г. Н. Волокитину

Начал писать статью для «Избранного», дошел до смерти мамы, и так стало плохо, так больно, так заболело сердце, что и жить-то уж как-то не то чтобы не хочется, а тошно. Пишу и поэтапно вижу, как разрушалась и уничтожалась наша семья, большая, безалаберная, и среди всех жертв самая невинная, самая горькая и невозвратная – моя мама.

А биографию надо написать. Пишут все и врут, либо нажимают на жалостливые и выигрышные моменты: «Тяжелое детство», «солдат», «рабочий» и вот вам писатель, ай-лю-ли, ай-лю-ли, как мы его довели! Обрыдло все это. Так маскируют трагедию личности и литератора, значит, и всего общества, так охотно и поспешно теряющего нравственное и национальное достоинство.

Хочется с кем-то поговорить, поболтать. А с кем? Живу я все же в чужом краю, с чужими людьми. А где они, родные-то? И Родина где? Овсянка? Это уже не моя родина, это лишь ее тень, напоминание и могилы, заросшие крапивой, без догляду и слез оставленные. Я только и плачу еще про себя обо всем – и о Родине, и о могилах родных. А сколько их, слез-то моих?

Тут и моря мало, чтобы затопить все горе людское.

Биографию я все же напишу, пересилю себя. Большую, беспощадную...

22 июня 1979 г. Жене

Дорогая Маня!

Вот я и на пароходе! Прошли уже устье Ангары...

Однажды я шел пешком с красноярского базара, нарочно шел пешком и смотрел на лица людей – ты же знаешь мою слабость – читать лица, – и сколь много повстречалось мне хороших лиц, особенно женских... хорошо одетые, свободные по случаю выходного дня, как прекрасны были люди, и как мне не хотелось за-

глядывать им «за спину», угадывать их судьбы, ибо я заранее знал, что судьбы их хуже их. Ах, если б люди походили на себя в жизненной сути, помнили бы, как они добродушны, хороши и светлолики, то оскотиниваться, то есть, придя в понедельник на работу, красть, материться, обманывать друг друга и предавать не смогли бы.

А скоро Енисейск! Самый любимый мой и самый жалкий ныне городишко! Что меня влечет к нему? Зачем? Не знаю. Это вроде как моя любовь к матери – обыкновенной крестьянке, но с такой трагической и пространственной судьбой, что вроде бы уж в космос прорастает, судьбой, которую и Шекспиру не постичь...

17 августа 1979 г.

Адресат не установлен

...Лучше всего удаются вещи, написанные в один дух, единым порывом, в которых мелодия рвет сердце, вздымает тебя на такие высоты, что ты задыхаешься от счастья. Разумеется, этой музыки лишь частица малая, может, всего капля упадет на бумагу и отзовется звуком ответным в сердце читателя, однако и это уже большое счастье для пишущего...

19 февраля 1980 г.

Ю.Н. Сбитневу

...Боле ничего не пишу, и давно уже. Что-то все плотнее подступает вопрос: зачем это и кому нужно? Слишком стремительно разлагается человек вообще и наше общество в частности, лишь бы удавалось заниматься самоутешением и самообманом, как прежде, и звереет, и подлеет человек еще больше, и это при наличии Толстых, Пушкиных и прочих Шекспиров и Петраков.

Нам, противоречиво жившим и путанно мыслящим, и вовсе не по плечу справиться со стихией цинизма и равнодушия и растрепания человеческой души. Только теперь я, например, по-настоящему понял, к чему приводит безверие и что даже насильственная вера лучше, чем вовсе ничего. Церковку-то скovyрнули рановато, без Бога ни до порога и тем более ни до коммунизма...

Теперь кусай локоть, а он вывихнут, и костоправов подходящих не находится, не токмо мыслителей и личностей, способных справиться с девятым валом бездушия и безверия...

Так что же за ветер низовой, каменный сметает нас с земли, как осеннюю листву?!

1 августа 1988 г. Р.А. Балакшину

...Вера в Бога вещь ответственная, нам, убивавшим людей пусть и на фронте, предававшим друг дружку скопом и в розницу, запоганившим землю родную, надругавшимся над церковью, наверное, уже не хватит остатков жизни искупить свою вину.

Я хожу в церковь и молюсь редко, ибо недостойн есть, но всей оставшейся жизнью попытаюсь защитить от гнева божьего хотя бы внуков своих. И, стараясь делать добро, писать только правду и «по правде», наверное, хоть чуть-чуть исплчу вину свою и нашу.

1 апреля 1990 г.

Адресат не установлен

...Я в День Победы пойду в церковь – молиться за убиенных и погубленных во время войны. И Вам советую сделать то же – уверяю Вас, побудет в Вас злобства, спеси, и не захочется Вам подсчитывать «напрасные обиды», нанесенные нашим генералам... Если все вы, снявши мундиры, не брэнча медалями, вышли б в русское поле, окруженное пустыми деревнями, если вы встанете на колени и, опустив сивые головы, попросите прощения у Всевышнего, может, он вас и услышит. Это единственный путь к спасению вашей генеральской души...

18 июня 1993 г. В.Я. Курбатову

...Уже далеко я продвинулся со второй книгой и вот при третьей редакции вижу, что-то начало получаться, но работы еще очень и очень много. Я усложнил себе задачу тем, что не просто решил написать войну, но и поразмышлять о таких расхожих вопросах, как что такое жизнь и смерть, и человечество между ними. Может быть, наивно, может, и упрощенно даже, но я все же пытаюсь доскрестись хоть до верхнего слоя той горы, на которой и Лев Толстой кайлу свою сломал.

1993 г. С. Войтецкой

...Пусть Наташа услышит, что я поминую ее добрым, тихим словом, поминаю среди своих близких и дорогих мне людей молитвою, когда отпускает сердце смута и суета, хотя для молитвы и не надо бы дожидаться времени и подходящего места. Вон мусульмане: где их застанет час намаза, там и становятся на колени... Мы – плохие, ленивые миряне – вечно ждем удобного случая и времени полюбить Бога, помолиться ему. Делаем это чаще в святые праздники и много пьем, орем,

грешим в светлые-то дни, оттого Господь нас так волочит по земной поверхности, тычет рылом в грязь и дерьмо, да никак не научит понять и пронять, наука нам не впрок и беды наши ничему нас не учат.

9 апреля 2001 г. В. Я. Курбатову

Дорогой Валентин!

...И я поздравляю тебя с Пасхой, с этим так и оставшимся с детства в памяти таинственно-торжественным праздником. И хотя еще затемно при наступлении иль накануне пасхи стреляли у нас по всем улицам и переулкам, это не пугало, а заставляло замирать сердце от чего-то непонятного и тайного, чего боишься и ждешь. Как сон, как что-то загадочное в тень прошлого откатило все это, жизнь сделалась обнаженной и утратила все и всякие таинства...

Из завещания, адресованного землякам и написанного

9 марта 1989 г.

...Как жалко, что лишенный веры в Бога я уже не смог ее вернуть себе до конца, безверие много наделало и еще наделает бед нашему народу. Но для меня всегда был и остается один непоколебимый Бог и вера в него – совесть!

Как мне хотелось, чтоб все люди нашей земли жили бы по совести, под вечным солнцем, и свет любви и согласия никогда для них не угасал!

Благодарю вас за то, что жил среди вас и многих любил. Эту любовь и уношу с собою, а вам оставляю свою любовь.

Ваш соотечественник и брат Виктор Петрович Астафьев.

Подготовлено по книге: Виктор Астафьев. «Нет мне ответа...». Эпистолярный дневник 1952–2001. Составитель Геннадий Сапронов. Иркутск, «Издатель Сапронов», 2009.

**ЧТО ЧИТАТЬ
У ВИКТОРА АСТАФЬЕВА**

Звездопад
Пастух и пастушка
Ясным ли днем
Зрячий посох
Последний поклон
Ода русскому огороду
Царь-рыба
Затеси
Веселый солдат

Прислав, по просьбе журнала, свое фото, автор сопроводил его следующим текстом:

– Самое интересное на этом снимке – фон: «космические елки», выросшие в Главном ботаническом саду РАН из побывавших на орбите семян, которые подарены американцами нашим космонавтам во время полета «Аполлон-Союз» в 1975 году. Я слежу за экспериментом с этими елками вот уже более трети века, время от времени отмечаясь публикациями сначала в «Известиях», потом в «Новой газете»

«**К**омсомольская правда», затем «Известия», теперь вот «Новая газета»... Изменяются издания, приходят иные люди – а он все такой, его словно обтекает река времени, не сдвигая с места. Вот он идет, чуть склонив голову набок и подавшись вперед, ничего вроде не изображает и не делает, а почему-то чувствуешь: он весь в готовности пропустить вас вперед, не дай Бог, не помешать, не наскучить. Интеллигентность, тонкость души, чуткость – это, можно сказать, его среда обитания, в которой он существует всегда и где неизбежно оказываются люди, соприкасаясь с ним. Нет, время, конечно, коснулось и его. Но в привычном, житейском смысле. А то, что внутри, что сокрыто от досужих глаз, – оно и есть сама неизменность. В нем естественно уживается, казалось бы, несочетаемое – высокое мастерство журналиста, работающего в самой строгой области – научной, и столь же высокое поэтическое мастерство. Он – это Ким Смирнов, чьи стихи мы публикуем сегодня.

НЕРЛЬ-91

Я снова пробивался к Нерли
Через сугробы и метель.
Поля окрестные белели,
И начинался мир отсель.

Я к сердцу подходил России,
И был нелегко тот приход
Сквозь ветропенья ледяные
Землекрушений и невзгод.

А Нерль звала неведшим светом,
Костром невидимым звалá
Сквозь кружева хрустальных веток,
Сквозь Китежа колокола

И к правде обращала души,
Спасенью назначала срок.
Она была, как из удушья
Нас возвращающий глоток

Живого воздуха, началом,
Бессмертной искрой бытия,
Что вспыхивает под кресалом
Творца и Мастера. Стоят

И помнят всё немые храмы,
И проступают на заре,
Как вечности кардиограммы
По берегам российских рек.

* * *

Как проблеск утренней зари,
Мне память сердца рисовала
Рублевской «Троицы» овалы,
Светящиеся изнутри.

Она из глубины веков
Звала к березовым светлицам,
К прохладе синих васильков
В поющем золоте пшеницы.

Я помню из отцовских книг
Отрадных красок разнотравья.
И я забыть его не вправе,
И не исчерпан тот родник.

Но все медлительней обоз
От жизни взятого наследства,
И все печальней память детства,
И жалко сломанных берез.

* * *

Бездонная сирень. Бездонная тоска
Далеких звезд реликтового света,
Родился что до Ветхого Завета
И не добрался до Земли пока,
Где гениальный Врубель не в чести
С звездой тревожной над ночной
сиренью.

Но как до света душу донести,
К фаворскому ее преображенью?
Нас в выдуманный мир стезя вела,
И видели мы в интернетной раме
Хрустально-голубые купола
Над звездными нездешними мирами.
А после, из вселенных без границ,
Из призрачных вернувшись

наваждений,
Мы остужали жар горящих лиц
В прохладных гроздьях утренней
сирени,

Преодолев неодолимый страх
Для нас судьбой определенной роли
В земном саду, что в росах и цветах,
Что осязаем до сердечной боли.

* * *

Тане. В день рождения

Не гаснут звезды в августовской рани –
Они уходят в сонные луга,
Когда очнутся в призрачном тумане
Шелони золотые берега.

Мы знаем Аз. Мы знаем Буки, Веди.
Но нам не ведом ранний час, когда
Цветы расшиты бисером созвездий
И в каждом лепестке горит звезда.

И в венчиках развенчанных ромашек
(Не любит – любит, чёт или не чёт)
Заря смешает гороскопы наши
И лишь любовь за истину зачтет.

И самый первый в солнечной короне
Луч на тугую ляжет тетиву.
Ромашка вздрогнет и с росой уронит
Созвездье Льва в медовую траву.

* * *

Очнемся с побелевшими висками –
А накануне грезились весна.
Седем мы не в яви, а во снах,
Где только совесть властвует над нами,

Где лист необлетевший, золотой
Мертвеет на устах у снегопада.
И все не гаснет поздняя лампада
Под сводами обители святой –

Души, необратимо человеческой...
А за окном светает синий сад,
А у висков снежинки шелестят,
Но шепчет нам рассвет: «Еще не
вечер».

Дмитрий Шеваров

Однажды весной

Однажды весной, рано утром, мне позвонил Савва Васильевич Ямщиков и в своем величаво-телеграфном стиле объявил, что сегодня мы встречаемся там-то и там-то: «Тебе надо обязательно побывать у одних хороших людей».

Только в машине узнаю, что мы едем к Куманьковым. «Это самая добрая и талантливая семья в Москве!» – «А удобно – вот так, с утра?..» – «Если я тебя везу, значит, удобно...»

Евгения Ивановича я знаю по книгам и альбомам, о Марианне Владимировне и Антоне только слышал. Савва Васильевич рассказывает родословную Куманьковых, я мотаю на ус.

У сталинской высотки, что на набережной, машина тормозит. «Подъезд со двора. Поднимайся на самый верхний этаж, в мастерскую, передавай от меня поклон». – «А вы?» – «А у меня дела, и так опаздываю...»

Спасибо Савве Васильевичу – он был гениальным дарителем дружб и симпатий.

Так я оказался у Куманьковых. Никогда не забуду ощущения уюта, тепла, отрешенности от суеты, охвативших меня с порога.

Чуть ли не в тот же вечер я написал очерк для газеты. Со мной такое было всего два-три раза за четверть века журналистской работы. Обычно я копошусь с очерком неделями. Мне до сих пор нравится его название – «Куманьковые переулки». Куманьковый переулок обязательно должен быть в Москве, где-то в районе Старого Арбата.

Кстати, именно там, у Арбата, в выставочном зале Государственного музея А.С. Пушкина, была одна из последних выставок Антона. Помню: ноябрь, на улице промозгло и сиротливо.

Я целый вечер пробыл на выставке, любясь, размышляя, записывая в блокнот названия работ и свои впечатления. Если бы кто-то родной был рядом, то я водил бы его от работы к работе и говорил: посмотри, какие мальчишки, какие лица – «Мои друзья из подмосковного детского дома». А вот архимандрит Алипий, о котором нам так много рассказывал Савва Васильевич Ямщиков... А вот Сигурд Оттович Шмидт – как схвачена в портрете его порывистость, его живой ум, его чуткое внимание к собеседнику! А вот моя самая любимая работа – «Девушка пела в церковном хоре»...

Фото Юрия Поста

Сейчас я нашел тот блокнот. Не буду ничего менять в тех записях, хотя они сделаны по горячим впечатлениям, на скорую руку. Но дело не в том, что в этих поспешных записях есть что-то ценное. Просто, мне кажется, для восприятия работ Антона это очень характерно – они сразу пленяли человека. И сразу хотелось как-то сохранить в себе эти первые чувства, поделиться ими, унести и не растерять по дороге. И, конечно, хотелось поклониться автору. Даже не просто поклониться, а обнять. Возможно, поэтому свои записи я делал, обращаясь к Антону.

«Круг Ваших героев настраивает на короткое дружеское общение, поэтому хочется перейти на „ты“... Ваши герои

беззащитны и светлы, они не боятся быть такими – наивными, неспешными и задумчивыми. Они будто уже за гранью сумеречного материального мира; недосягаемы для суеты и пошлости.

Каждый из нас, проходя жизнь, собирает вокруг себя свое маленькое человечество, но только художнику прощательного сердца и доброго зрения дано запечатлеть это свое человечество в зримых образах. Это Божий дар. Это художественный и нравственный подвиг, поскольку нет ничего труднее, как постигнуть душу ближнего и видеть родного человека в лучшем свете.

Знаю об этом как литератор – очень трудно написать о близком человеке. Видишь его в милых деталях и сокровенных подробностях, а целое не ухватывается, не охватывается в словах. А сделать это в красках еще сложнее.

Спасибо Вам за труд души, за видение главного в человеке, за высветляющую душу кисть художника-поэта...»

Что-то из этих слов я вписал в книгу отзывов. Поэтому надеюсь, что мой поклон дошел тогда до Антона.

Последний раз мы виделись на православной ярмарке в Манеже. Стою, что-то разглядываю на прилавке, и вдруг кто-то большой и добрый жмет меня в объятиях – Антон! Так и вижу его ласковые глаза за стеклами очков. Его «немота» была содержательнее слов. Какую душу потеряли мы, но – обрело Царство Небесное. Как радостно встретили там Антошу его любимые старики Малого театра, под сенью которого он в детстве рос...

*Блаженны кроткие. Они приемлют
землю,
С полынью горькою вдыхая сладость
роз...*

АНТОН КУМАНЬКОВ О СВОИХ РАБОТАХ

Меня часто спрашивают, почему я рисую только детей. Я отвечаю: нет, я рисую и взрослых, но работа над детскими портретами – главное дело жизни. Правда, мною также сделано множество иллюстраций к детским книгам. Это как бы иная творческая тропинка. Но, по сути, с разных сторон я пытаюсь приблизиться к детству. Да, я рисую и взрослых. Но каждый раз, взявшись за портрет взрослого человека или рисунки к взрослой книге, я думаю о том, много ли в этой книге или во взрослом человеке, позирующем для портрета, осталось от детства. И если много – работа идет быстро и весело, то есть спорится.

Какие замечательные маленькие люди встречаются среди детей, какие уникальные характеры, взгляды на мир, жизненные позиции. Да, да, жизненные позиции – и только так, а не иначе, я отношусь к своим детским моделям: я дружу с ними, я их глубоко уважаю. Мало того, я отношусь к ним с почтением. Думаю, именно поэтому они так и исправно и терпеливо позируют, как бы стараясь всеми силами меня поддержать и помочь в работе.

Письмо другу на небеса

Дорогой Антон!

Узнала о том, что с тобой произошло. Позвонила наша общая подруга Наталия Николау из Москвы и сказала: «Антон покинул нас в эти страшные, пылающие зноем летние дни». Я молчала. Вспоминала, как после передаваемых новостей из Москвы замирала от страха за жизнь людей – знакомых, друзей и незнакомцев. Стихийное бедствие в моей любимой Москве! Нет, я не хотела думать, что жизнь твоя в опасности.

И вот я узнала о случившемся. Хотела представить себе, где ты сейчас, как ты. И только сегодня, 16 декабря 2010 года, я почувствовала твое незримое присутствие и взялась за перо.

Я погружаю свои мысли в самую глубину своего сердца и там ищу контакт с твоей душой. Повторяю твое имя, закрываю глаза, и мне кажется, что слышу твой голос. Как все быстро происходит. Секунда, другая – и я починаю твои слова:

– У меня все хорошо! Скажи, пожалуйста, это всем, что у меня все хорошо, и я сейчас пишу портреты ангелов. Теперь это моя новая работа здесь, на небесах. На земле я, как ты знаешь, писал портреты людей. Мне приходилось подолгу изучать их взгляд, проникать в их духовный мир. Я старался им показать самих себя, чтобы они поняли, кто

они на самом деле, чтобы им идти по жизни, осознавая смысл земной жизни.

А здесь мне сказали: «Здесь теперь ты будешь рисовать ангелов, и когда ты полностью преуспеешь в этом деле, тогда твои знания ты передашь на землю, чтобы люди узнали, кто такие ангелы и чем они заняты. Работай без усталости, людям надо как можно быстрее осознать, как важен для них этот контакт с ангелами. К сожалению, люди совсем потеряли общение с миром ангелов и находятся в опасности.

А ведь ангелы – это те существа, которые ведут людей по духовному пути, по пути духовного развития. Без Ангела-хранителя и путеводителя можно в жизни потеряться. Это как новорожденный ребенок без мамы».

Вот это всё мне сказали, Василики, и тогда я понял, почему меня забрали с земли на небо. Я сам, развивая свое мастерство художника, готовил себя, свою душу к этому переходу и этой новой работе, которую мне сейчас поручили...

Единственно, что я прошу у вас, своих друзей, у своего брата и возлюбленных родителей, чтобы вы меня вспоминали и думали обо мне как о живом. Я сейчас более здоров, чем тогда, когда телом был на земле, потому что теперь я просто на более высоком уровне существования. Я могу с вами всеми общаться более свободно, чем раньше, более глубоко, более доступно.

Не забудь сказать, что, когда они плачут и переживают обо мне, я не могу с ними общаться. Они должны верить, что я живу. Не забудь сказать: я жив!..

Дорогой мой Антон, друг мой!

Спасибо за твое послание. Я скажу всем твоим все, что ты велел, и они возрадуются. Обещаю, что буду всегда тебя помнить и думать о тебе так, как ты этого захотел, – о тебе, полном жизни! А мне, здесь на земле пребывающей, передай хоть чуть-чуть те картины Вселенной, которые лицезрят твои глаза художника.

Целую тебя,
твоя духовная сестра
Василики¹ из Греции

¹ Василики Голомазу, президент Ассоциации женщин «Милосердие» г. Арты

Девушка пела в церковном хоре

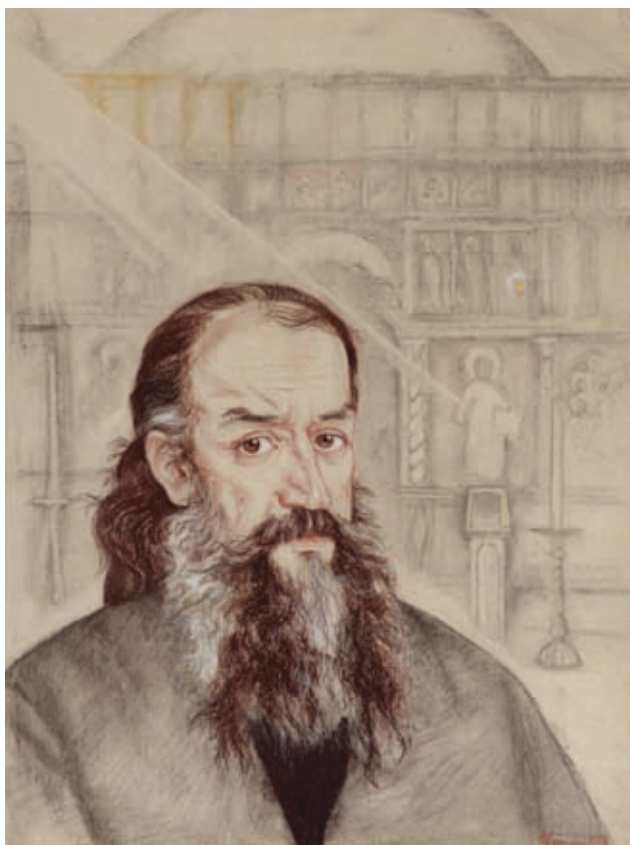
Иллюстрация к стихотворению
Н. Рубцова «Первый снег»

Колушенко Саша

Московское окно на 10-м этаже

Архимандрит Алипий

Мои друзья. Хорольский Андрей и Ретин Дима

Бедердинов Алеша

Джессика

Дивное сердце*

Для меня как священника лю- бой человек – посланник Божий, потому что в любом человеке отражается образ Божий. Но когда Антон пришел в наш храм и вошел в мою жизнь, он внес что-то новое, чего не было в нашем приходе.

Мы познакомились за два-три года до его смерти. Он стал приходить ко мне, рассказывал о себе, своих проблемах и исканиях, личных переживаниях, чаяниях и надеждах... Это были даже не исповеди, а доверительный разговор человека с человеком.

Мне нужно было войти в его жизнь, постичь его внутренний мир – мир человека, лишенного слуха. Это было нелегко, но мне хотелось его услышать, и поэтому мне пришлось понимание. А для него было очень важно, что он мог мне как священнику открыть свою душу.

Когда я узнал его жизненную ситуацию, которую он с таким мужеством и светом нес, почувствовал его отношение ко мне, он стал для меня очень душевно близким человеком. Он мечтал иметь семью, детей, но семейного счастья не получилось. Это была потаенная боль его души, и я по мере сил старался его поддержать и утешить.

Как мне было отраднo, когда я начинал службу в храме и вдруг видел его кудлатую голову, его улыбку, его глаза! Он всеми силами старался показать мне: я уже пришел! Я здесь, в храме, я с тобой! И служба преображалась, потому что пришел Антон. Это было

удивительно, а для меня как священника это было как Промысел Божий, как знак: Господь всех слышит. Ведь не я привел его в Храм, сделал христианином – Господь коснулся его сердца до меня. Но сейчас он пришел ко мне, и передо мной было его трепетное, любящее, болящее и озаренное удивительным небесным светом сердце, которое проявлялось в его отношении к людям, в его творчестве, в его таланте. Хочу сказать о нем и как о художнике. Для меня он навсегда останется воплощением того удивительного Божьего света, который остался в мире после грехопадения человека. Кто-то из философов или богословов сказал: «Чтобы люди не забывали раю, на земле были оставлены три вещи: дети, цветы и музыка». И Антонушка, будучи лишен слуха, эту райскую музыку небес воплощал в дивном изображении детей, цветов, зверей – того мира, который он понимал и любил.

Вот портреты сирот из детского дома. В их глазах выражается все: любовь, страх, боль, надежда... Его детские портреты – это иконы, они светятся.

Духовный мир детей, очень богатый, он постигал не через слух, а своим чутким сердцем. Он вообще был очень чуток сердцем. Иногда бывало – встречу его, поговорим несколько минут, смотрю – у него уже слезы на глазах, он плачет, и у меня тоже слезы наворачиваются. Мы друг друга утешать начинаем, целуемся и расстаемся...

Встречались мы и на его выставках на Арбате. Это были очень радостные и светлые для нас обоих моменты. Повторюсь: он был человеком, который нес в своем сердце высокое духовное начало, как художник воплощая его в своем искусстве.

И для меня очень отраднo, что в последние дни он несколько раз приходил ко мне, настойчиво предлагал написать мой портрет. Мы уже наметили день встречи, и вдруг я узнал об этой трагедии – Антона не стало. Слава Богу, я приехал и смог проводить его в путь вся земля. Когда я как священник отпевал и хоронил его, для меня это был самый близкий человек, которого я знал в своей жизни.

Желаю всем, кто будет читать о нашем дорогом Антонушке, быть хоть немного похожими на его дивное, чудное христианское сердце.

Сил и здоровья вам и светлых молитв!

Протоиерей Николай Соколов,
настоятель храма
святого Николая в Толмачах¹

¹ Храм-музей свт. Николая в Толмачах имеет особый статус домово́й церкви при Государственной Третьяковской галерее. История его, начинавшегося с деревянной церкви во имя свт. Николая Чудотворца «что за рекой Москвой в Толмачах», насчитывает более четырех веков: первое упоминание в летописи относится к 1625 году. С 1999 года здесь находится одна из величайших святынь Русской Православной Церкви – икона XII в. «Богоматерь Владимирская».

В числе прихожан был основатель галереи, Почетный гражданин Москвы Павел Михайлович Третьяков: его постоянное место в храме отмечено мемориальной плитой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда готовился этот номер, пришла печальная весть о кончине Евгения Ивановича Куманькова. За несколько дней до своего ухода Евгений Иванович успел подержать в руках сигнальный экземпляр книги о сыне Антоне, а также распорядился передать в дар Государственному музею имени А.С. Пушкина свои знаменитые московские пейзажи, в которых столь поэтично и светло запечатлелся дух прежней Москвы.

*Отец и сын.
Теперь они снова вместе. Теперь навсегда.*

Письма с Бородинского поля

ЛЮДИ И ВОЙНЫ

Часть речи, которая стоит между вынесенными в заголовок существительными, называется соединительным союзом. К сожалению, люди и войны действительно связаны друг с другом давно и прочно. С убийства Авеля его братом Каином, то есть с начала истории человечества. Сколько их было с тех давних времен по сию пору, сколько погибло в них людей? Точной статистики нет, да и быть не может. Цифры лукавы, ибо всегда отражают чей-то интерес, умаляют одних и возвышают других. Но что можно сказать безошибочно: главная война – это война человека с самим собой, со своим ветхим вторым «я», со своими страстями, амбициями, гордыней. И его поражение в этой схватке – внутренняя причина любой традиционной – внешней – войны, ее пролог. Так и Каин – прежде пал жертвой самого себя, а уж потом

нанес смертельный удар родному брату. Масштаб же и потери в войнах – это, скорее, производные от устремлений, возможностей и сил того, кто одержал верх во внутреннем единоборстве. Такова, вкратце, природа захватнических войн.

Но есть войны иные. Их приходится вести тем, кто отражает агрессию. На долю нашей родины таких пришло немало. Потому что народ скорее миролюбив, чем воинствен. У нас никогда не было наемной армии, то есть людей, которые воюют за деньги, а не из чувства патриотизма. Сегодня, к сожалению, рынок выводит свои правила даже здесь. Но то, что осталось в нашей славной военной истории, осталось навсегда. И одна из глав – Отечественная война 1812 года, а ее лучшая страница – битва под Бородино, двухсотлетие которой мы отмечаем в этом году.

ХВОСТАТАЯ ЗВЕЗДА

К аким-то трудным выдался год одна тысяча восемьсот одиннадцатый от Рождества Христова. Долгая, холодная зима, жаркое, засушливое лето. Такое жаркое, что широкая река Днепр, одна из самых больших русских рек, сильно

обмелела в то лето. Прежде ходили по Днепру купеческие корабли с товарами, сновали легкие рыбацкие лодочки, а теперь жители Киева, раскинувшегося на днепровских берегах, переходили запросто реку вброд, пешком.

– Беда! Беда будет! – судачили у колотцев хозяйки и крестились на ясное, без единого облачка небо. Шепотом

передавали друг другу рассказы о хвостатой звезде, которую видели ночью. В стародавние времена люди верили, что хвостатая звезда (сейчас мы называем ее комета) предвещает войну, голод, страшные бедствия. И беда в самом деле нагрянула. Вслед засухе пришел неурожай, вслед неурожаю – голод. Зимой многие в деревнях умерли, не дожив до нового

хлеба. Оставшиеся в живых ждали лета с нетерпением и надеждой, готовые день и ночь трудиться на пашне.

Но летом нового 1812 года, в самую горячую пору крестьянских полевых работ, русскую границу перешли наполеоновские войска. Будет ли теперь хлеб? И что станет с Россией?

Французский император Наполеон Бонапарт был непобедим. За десять с небольшим лет он захватил одну европейскую страну за другой и уже строил планы захвата Азии, а там и всего мира. Но огромная Россия стояла на пути его армий. Значит, с Россией – война! Быстрая и победоносная, как обычно. Самое большее – три месяца. Император так был уверен в победе, что не велел солдатам запасаться теплой одеждой. Зачем? Лето в России жаркое, а к осени они вернутся в Париж победителями.

...Крепко пожалеют об этом решении императора наполеоновские солдаты, когда будут отступать, еле передвигая обмороженные в снегу ноги, спасаясь от русской армии, преследующей по пятам.

«ДВНАДЕСЯТЬ ЯЗЫК»

Понтонеры генерала Эбле быстро навели через пограничную реку Неман несколько больших мостов-понтонных. Что за мосты такие? Обыкновенные широкие лодки с якорями, чтобы течением не унесло, а сверху на них положены длинные прочные доски. За считанные часы солдаты понтонной роты (понтонеры) могут построить сразу несколько мостов. В темноте, не разводя костров на берегу, двигались по понтонам друг за другом наполеоновские полки. Утром 12 июня 1812 года¹ к ним переправился и сам Наполеон.

«Армия дванадесять язык» – так назовут вражеские войска в России.

¹ 12 июня – по старому стилю, по юлианскому календарю, каким пользовались в России XIX столетия. В наполеоновской Франции был уже принят новый календарь, григорианский, каким мы пользуемся сейчас. Разница между ними составляла 12 дней. В дневниках наполеоновских маршалов этот день обозначен как 24 июня. Дальше все даты будут даны по старому стилю. Если хочешь, переводы их на новый, не прибавляя 12 дней.

«Дванадесять» значит двенадцать. И правда, не только французская речь слышалась среди наполеоновских солдат и офицеров. Покоряя европейские страны, император пополнял свою армию жителями захваченных земель. Итальянцы, немцы, австрийцы, испанцы, португальцы, голландцы, поляки маршировали по русской земле под рокот барабанов.

Шла Старая гвардия – закаленные в боях, широкоплечие, двухметровые великаны-гренадеры в мохнатых медвежьих шапках. Мчалась вперед легкая кавалерия – гусары и уланы непобедимого маршала Мюрата. Рядом тяжелая кавалерия – кирасиры и драгуны в сверкающих на солнце медных касках. Кирасиры страшны в бою. Закованные в крепкие нагрудники-кирасы, в шлемах с конскими хвостами, с саблями в руках, они неслись сомкнутым строем, как лавина. Даже поворачивались все разом, не разрушая строя, сметая всех на своем пути. Не было двести лет назад на полях сражений танков. Но были тяжелые, мощные кирасиры.

За пехотой и кавалерией лошади-тяжеловозы тянули огромные пушки – «единороги». Тысячу триста семьдесят два орудия привез Наполеон в Россию. Шестьсот сорок тысяч солдат ступили на нашу землю. «Великая армия» – так с гордостью называл свои войска Наполеон. И себя считал великим человеком, которому по праву должен принадлежать весь мир.

Всего 160 тысяч русского войска стояло у западных границ Российской империи, встречая врага, – новая армия генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли и вторая армия генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона. Инфантирия – так называли двести лет назад пехоту. Силы совсем неравные – 160 тысяч против 640. Что делать русским? «Стоять и умирать» – приказал генерал Остерман-Толстой солдатам своего четвертого пехотного корпуса. И солдаты стояли крепко, защищая Отечество.

Но Наполеон был упрям. Уже захвачены Витебск, Могилев, Смоленск, впереди Москва. Горят, горят российские города и веси. «Если я возьму Петербург, я возьму Россию за голову, если возьму Москву – поражу русских в самое сердце», – говорил Наполеон

своим маршалам. И направил полки к Москве.

СМОЛЕНСКАЯ ЗАСТУПНИЦА

Отступая из Смоленска, русские унесли с собой древнюю чудотворную икону Богородицы, выхватив ее из горящего Успенского собора. Нельзя было оставлять почитаемую святыню врагам. Когда-то давно, еще при князе Владимире Мономахе, она была принесена в русскую землю из далекого Константинополя и много веков охраняла Смоленск. А теперь шествовала с отступавшей русской армией в сторону Москвы. «Заступница с нами, Царица Небесная!» – радовались солдаты. Слухи о том, что генерал Барклай хочет отступать до самой Волги, волновали солдат, особенно старых, которые помнили непобедимого Суворова.

В середине августа по армии пронеслось радостное известие – государь Александр Павлович назначил главнокомандующим фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, ученика великого Суворова. Когда Кутузов в первый раз объезжал русские полки, солдаты бросились чистить свои посевшие от грязи, когда-то белые, панталоны и пыльные сапоги, натирали мундирные пуговицы до блеска.

– Не надо, братцы, – успокоил их Кутузов. – Были б вы только здоровы! Нужно отдыхать и готовиться к бою.

– Он все наши нужды знает! Как с таким не победить! Пришел Кутузов бить французов! Урааааа! – пронеслось над солдатскими рядами.

Веселее теперь шагало. А Москва все ближе, чуть больше ста верст осталось. Пора и остановиться.

Дошли до Бородина. Сельцо небольшое, рядом еще деревеньки – Семеновское, Шевардино, Утица, Горки, Татариново. Между ними – поле, изрезанное ручейками и речками. Здесь будем драться. Таков приказ Кутузова.

Накануне битвы, которая войдет в историю под названием Бородинской, Кутузов приказал пронести Смоленскую икону перед войсками. Икона медленно плыла над непокрытыми головами солдат и офицеров, стояв-

ших на коленях в мокрой августовской траве. Кутузов тоже снял свою белую фуражку и поклонился Владычице до земли. Полковые священники кропили святой водой солдатские ружья. Серебряные брызги летели на русые головы, усы и курносые лица. Наполнялось солдатское сердце храбростью. Драться надо, драться!

Вдруг в небе неведомо откуда появился орел. Он реял над русскими полками, распластав крылья. Солдаты один за другим поднимали головы к небу и улыбались в усы. Это добрый знак!

С вечера переоделись во все чистое. У каждого солдата в ранце лежала про запас рубашка. Кто знает, что будет завтра? Тихий и теплый дождик капал на загибающиеся солдатские костры. Возле них прямо на земле укладывались солдаты, перекрестившись на восток. Белели в темноте палатки, поблескивали штыки на ружьях караульных. Им спать нельзя, хоть и ночь, и дождик, – служба! На другом, французском краю поля, слышался говор и смех, долго горели огни. Французы были уверены в новой победе.

Наконец под утро все стихло. Белый туман плыл над полем, укрывая, словно одеялом, и русских, и французов. Многие из них лягут завтра в бородинскую землю навсегда.

ТУЧКОВО ЗНАМЯ

Императору не спалось. В два часа ночи 26 августа 1812 года Наполеон вышел из палатки и направился к своим генералам.

– Ну, что, какова погода, господа?

– Прекрасная, государь! День будет солнечный, как при Аустерлице! Мы непременно победим!

Сражение при Аустерлице семь лет назад, в 1805 году, где Наполеоном были разгромлены русская и австрийская армии, было вершиной его славы. Что ж, теперь и Бородино станет еще одной вершиной.

– Мы втопчем их в эту землю! – Наполеон небрежно махнул рукой в белой перчатке в сторону русских укреплений.

На Бородинском поле сошлись все, кто уцелел в предыдущих схватках – 135 тысяч французов и 120 тысяч русских. Много это? Еще как много.

Население нескольких городов. А еще пушки, кони, обозы.

Полетели первые французские ядра. В ответ тяжело ухали пушки с батареи Раевского, расположенной на высоком кургане. Слева от батареи стояли полки генерала Багратиона. Накануне солдаты возвели земляные укрепления – флешы, похожие на острый птичий клюв. Их так и прозвали – Багратионовы флешы, возле села Семеновского. А самого села больше не было – все его избы разобрали для постройки укреплений.

За флешами укрылись пушки и пехота. К полудню восемь раз отбили натиск французов. Мчались на них польские уланы, французские драгуны, тяжелые саксонские кирасиры. Страшно? Еще как страшно! Но звучал приказ – «В каре от кавалерии стройсь!» И солдаты становились квадратом, спина к спине, выставив вперед ружья с острыми штыками, кололи ими конские морды. Лошади в ужасе шарахались, сбрасывая всадников под ноги. Воздух гудел от ядер. Шипели и лопались гранаты, разбрасывая смертоносные осколки. С французской батареи били по пехоте картечью – мелким стальным горохом. Косит смертельный горох пехоту. Все меньше защитников на флешах. На помощь к ним послан генерал-майор Тучков с Ревельским пехотным полком.

Тридцатисемилетний Александр Тучков-четвертый, один из пяти братьев Тучковых, генералов, сыновей отца-генерала. Тучков-старший, отец, спроектировал и построил в Петербурге мост, названный в его честь Тучковым. Четверо его сыновей бились с Наполеоном.

Бегом повел своих солдат в атаку молодой генерал. Пули цепляли за генеральскую треуголку, сбили красивый плюмаж из перьев. Вдруг солдаты разом полегли на землю, прижатые густым дождем картечи. «Что это вы ребята, трусите? – обернулся к ним генерал. – Ну, так я один пойду!» Он выхватил знамя из рук рослого рыжего солдата и побежал вперед. Черный орел над вышитым крестом колыхался на знамени. Он был очень похож на того, что видели накануне над Бородинским полем.

На мгновение вспомнилась генералу молодая жена, прекрасная Маргари-

та, оставшаяся в Москве с маленьким сыном Николушкой. Незадолго до начала войны она видела странный сон, который никак не могла забыть. Будто идет по какому-то незнакомому пустому, разрушенному городу и читает на домах надписи кровью – «Бородино». И слышит голос: «Муж твой погиб. Сын – вот, все, что тебе осталось...» Маргарита прибежала, заплаканная, к мужу. Александр успокоил ее и велел принести карту Российской империи. Они долго искали это загадочное Бородино, но его нигде не было. «Должно быть, это в Италии, – улыбнувшись, сказал тогда Александр. – Успокойся, мы там воевать не будем».

Картечь пробила грудь генерала, он упал. Солдаты бросились к командиру, подхватили знамя. Вдруг целая туча ядер и картечи накрыла их. «Муж твой погиб при Бородино». Вещим оказался сон Маргариты. Но флешы были очищены от французов.

В это же время всего в версте от флешей был смертельно ранен старший брат Александра, Николай Тучков-первый, командир третьего пехотного корпуса. Через несколько часов будет смертельно ранен и сам генерал Багратион. А битва не прекращалась, унося новые и новые жизни.

МАТУШКА МАРИЯ

День догорал. Еще кое-где слышалась перестрелка, но страшная, кровавая Бородинская битва уже кончилась.

Тысячи тел убитых и раненых в синих, зеленых, белых, красных, черных мундирах покрывали поле. Помятые каски валялись в траве и тихо звенели, когда их нечаянно наступали лошади. Животные бродили по полю, вздрагивая боками, уставшие и испуганные. Влажные губы жадно срывали темные от крови травинки. Иногда кони поднимали головы и жалобно ржали, будто звали своих хозяев – где вы?

Под глухой перестук барабанов офицеры собирали уцелевших солдат под знамена и отводили на отдых. Завтра – новый бой. Но вдруг сквозь густую тьму августовской ночи послышался конский топот. Это скакал адъютант князя Кутузова с приказом – отводить полки дальше, к Москве. Не будет завтра боя. Надо поберечь силы.

В Москве было беспокойно. Ждали вестей из армии. Ходили слухи, будто Наполеон уже выслал передовой отряд кавалерии Мюрата к московским окраинам. Наконец стало известно, что на военном совете в Филях Кутузов принял решение оставить город. Горько было отдавать его неприятелю, но только так можно было сохранить русскую армию, дать передохнуть уставшим солдатам. Будет жива армия – и Москва, и вся Россия будут спасены.

Многие москвичи стали укладываться и уезжать. По Тверской, по Сивцеву Вражку, по Поварской и арбатским переулкам потянулись кареты, повозки, телеги. Пошли пешеходы с узелками. Увозили раненых при Бородине. Уехала в костромское имение и Маргарита Тучкова с сыном. По опустевшим московским улицам ветер гонял белые перья и клочки рваной бумаги. Дворовые собаки, будто предчувствуя недоброе, выли, подняв морды к небу.

...Маргарита сидела у открытого окна и вязала, поглядывая на детскую кроватку. Николушка спал беспокойно, вскрикивал, плакал. Он был очень похож на отца, которого совсем не помнил. Когда генерал Тучков уезжал на войну, Николушке было чуть больше года. Давно перестали приходиться письма от Александра. Среди раненых при Бородине, помещенных в московские лазареты, его не было. Где он, что с ним?

За окном липы тихо роняли желтые листья. Кто-то проскакал по усыпанной рыжим песком садовой дорожке. Хлопнула дверь парадного внизу. Торопливо заскрипели ступеньки лестницы на детскую половину. Дверь распахнулась. На пороге стоял Кирилл, брат Маргариты, в дорожном плаще поверх мундира. Высокие ботфорты были залепаны грязью.

– Здравствуй, Кирюша!

Маргарита вскочила, уронив недовязанный детский чепчик. Спицы жалобно звякнули. Заплакал разбуженный Николушка.

– Как ты? Что с Сашей? Наполеон разбит?

Кирилл молчал.

– Русские дрались как львы, Марго, – наконец с трудом проговорил он. – Но Господь судил иначе. Буонапарте в Москве. Александр убит.

Маргарита вскрикнула и упала без чувств. Она не слышала, как вокруг

хлопотали люди – мадам Буве уносила плачущего Николушку, горничная Дуняша брызгала ей в лицо водой, матушка терла виски уксусом. Ее уложили в постель. Приходил доктор, прописывал какие-то порошки и о чем-то долго говорил с Кириллом. Но ей теперь это было совершенно все равно. Александр убит! Родители уговаривали не отчаиваться, молиться Богу и растить сына. День шел за днем, но сердце Маргариты по-прежнему рвалось от боли. Она бродила по комнатам, прижав к себе Николеньку, и никого не слышала. По вечерам Маргарита зажигала лампадку перед большой иконой Спаса Нерукотворного и долго молилась. Это был образ из иконостаса походной церкви Ревельского пехотного полка, которым генерал Тучков благословил перед расставанием жену и сына. От молитвы утихала боль в сердце.

В ноябре, когда французы наконец ушли из Москвы, Маргарита решила повидать место гибели любимого мужа. Оставив Николушку на попечение родителей и няни, она отправилась на Бородинское поле. Страшная картина открылась вдове генерала – семьдесят пять тысяч воинов, французов и русских, лежали, не погребенные до сих пор, под холодным ноябрьским небом, среди развороченных ядрами пушек. Над ними с криком носились вороны, разлетаясь при приближении Маргариты. Весь день и всю ночь бродила она по полю вместе с иеромонахом Можайского Лужецкого монастыря отцом Иоасафом. Он кропил тела святой водой и пел панихиду.

– Господи! Сколько же здесь погибло! – с горечью думала Маргарита. – Кто-то помолится о них?

Но пора было возвращаться домой, к Николушке. Маргарита уезжала с твердым намерением просить государя об устройении храма на Багратионовых флешах. Храма Спаса Нерукотворного, в честь полковой иконы Ревельского пехотного полка, в память о генерале Тучкове и обо всех, погибших в Бородинской битве. Александр I дал согласие и подарил десять тысяч рублей на строительство. Маргарита велела поставить у флешей маленькую избушку с колоколом под навесом, чтобы наблюдать за постройкой храма. При сильном ветре колокол раскачивался сам собой и гудел. Волки, рыскавшие по зимнему полю, не решались подхо-

дить близко. Только мигали в темноте их желтые злые глаза.

В 1820 году Спасский храм был построен и освящен. По большим церковным праздникам и в день Бородинской битвы монахи Лужецкого монастыря совершали богослужения. Маргарита читала и пела вместе с ними. Исполнилась заветная мечта ее сердца – на Бородинском поле стоял храм-памятник.

Внезапно тяжело заболел и умер Николушка. Его похоронили в Спасском храме, рядом с белым мраморным крестом, поставленным в память о генерале Тучкове. Теперь все самое дорогое было для Маргариты в бородинской земле. Она совсем поселилась в сторожке при храме, чтобы каждый день молиться об отроке Николае и военачальнике Александре. Продала фамильные драгоценности и имение. Отпустила на волю крепостных крестьян. Приняла монашеский постриг с именем Мария.

Скоро потянулись к сторожке крестьяне окрестных деревень. Бабы, потерявшие на войне мужей и сыновей, дети, оставшиеся сиротами. Вдова генерала Тучкова никому не отказывала. Постепенно вокруг храма сложилась маленькая семья – община, где все называли себя сестрами, вместе молились и трудились для Бога и друг для друга. Через несколько лет вырос из маленькой общины женский Спасо-Бородинский монастырь. И Маргарита-Мария стала его первой игуменьей. «Наша матушка» – так теперь ее называли. За каждым богослужением в монастыре молились о генералах, офицерах и солдатах, погибших на Бородинском поле.

– Упокой, Господи, души рабов Твоих, воинов Александра, Петра, Александра, Феодора, Михаила, Иоанна, – тихо пели монахини.

Гораздо позже, в середине девятнадцатого столетия, на месте батареи Раевского появится памятник в виде колонны, увенчанной золотым куполом с крестом. На гранях памятника напишут имена князя Петра Багратиона, графа Александра Кутайсова, генерал-майора Александра Тучкова-четвертого и других. А в Бородинском монастыре о них давно уже молились монахини. И молятся до сих пор.

Упокой, Господи, всех, за веру и Отечество живот свой положивших...

Вечная им память.

(Окончание в следующем номере)

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕМ ЛИ КРЕСТ ПО СИЛАМ?

*Протоиерей Алексей Уминский –
Павел Демидов*
Кто хочет за Мной идти... 2

*Евгений Стеблов –
Павел Демидов*
Возложив руку на плуг, не озирайся назад 5

Лариса Беляева
Анкета «Лампады».
Скажите, пожалуйста... 8

В.П. Свенцицкий
Голгофский крест 10

Евгений Куманьков
Письмо сыну 12

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Марина Нецветова
Святой и его родня 14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Священник Владимир Русин
«Москвич», Акимовна и другие 16

Маргарита Шилкина
Религия – неотъемлемая
часть бытия 21

МИР ВОКРУГ НАС

Людмила Бутузова
Эх, обувочка ядрена! 22

Монахиня Софрония (Алексеева)
Неисчерпаемость любви 24

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров.
О письмах Виктора Астафьева 27

Виктор Астафьев
«А вам оставляю свою любовь...» 28

Ким Смирнов
Нерль-91 и другие стихотворения 30

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Однажды весной 31

Василики Голомазу
Письмо другу на небеса 32

Протоиерей Николай Соколов
Дивное сердце 34

ЛАМПАДКА

Елена Литвяк
Письма с Бородинского поля 35

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: часовня прп. князя
Даниила Московского Данилова
ставропигиального монастыря

Фото Ларисы Беляевой

Рисунки
Киры Скрипниченко

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 03.05.2012
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.
Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1300 экз. Заказ № 831
© Лампада, 2012

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции.

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса

России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

магазин «Кириллица»
(Черниговский пер., 9/13)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 772225 027100